

СИМОНА ВУЛАР ОГНЕННЫЙ ОМУТ

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

Нормандская легенда

Симона Вилар
Огненный омут

«Автор»

1996

Вилар С.

Огненный омут / С. Вилар — «Автор», 1996 — (Нормандская легенда)

Завоевателя-викинга и хрупкую красавицу с огненно-рыжими волосами – язычника и христианку, варвара и принцессу – связывает всепобеждающая любовь. О таком чувстве слагают песни и саги, но оно так редко встречается в жизни...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Симона Вилар

Огненный омут

Нормандская легенда. Книга 3

Пролог

...Они приходили с Севера, сильные, рослые, отчаянно храбрые и жестокие. Их называли по-разному – норманны, викинги, варяги – но везде они вселяли ужас, ненависть... Однако и какое-то почтение. Ибо в те темные варварские времена, сила считалась чем-то достойным, внушающим уважение.

Еще пророк Иеремия предсказал, пришествие времен, когда невиданный враг придет с Севера, и теперь монахи в церквах твердили, что жестокие завоеватели на кораблях-драконах не что иное, как кара христианам за грехи. И творили молитву – «От ярости норманнов¹ избави нас, Господи!»

На своих маневренных кораблях норманны входили в устья рек, поднимались по ним вглубь стран, разоряли селения, грабили монастыри. Крупные города, такие как Гамбург, Париж, Нант, Бордо, Тулуза, Новгород, Лондон, Йорк, Лиссабон, Севилья неоднократно подвергались их нападениям, дерзость и смелость этих ловцов славы и богатства не знал границ. Нельзя сказать, что жители Европы не оказывали им отпора и не одерживали побед. Однако северные люди появлялись вновь и вновь, и за их новыми победами забывались прежние поражения.

Что заставляло этих выходцев из Скандинавии оставлять родной берег и искать удачу на стороне? Скудная ли почва, которая не могла прокормить возросшее население, воинственная ли религия, освящавшая победу сильнейшего, или жестокость и авантюризм, приписываемые, жителям Севера, – но с восьмого столетия они стали грозой всей Европы.

«Мы не верим ни во что, кроме нашей силы, нашего оружия и нашей храбрости» – пели их скальды², гордясь своим происхождением и своей удачей. Христианская Европа была разрознена, ослаблена – она стала легкой добычей для норманнов. Однако нельзя сказать, что они были только разбойниками, несущими смерть. Они были и прекрасными ремесленниками, путешественниками, торговцами. Торговая с этими бороздящими волны «королями моря» приносила прибыль. Постепенно земли, которые они так часто посещали, покидая свою холодную родину, стали манить их все сильнее. Они переезжали туда с семьями, селились, делали их своими. Они колонизировали Исландию, покорили Ирландию, селились на Рейне и в Англии, на берегах Балтики и в землях славян. Селились они и в богатых землях западных франков. Когда-то император франков Карл Великий смог организовать им отпор. Но после его смерти некогда могущественная империя была раздроблена и стала легкой добычей норманнов.

И вот тогда-то и появился викинг по имени Ролло – Роллон, как называли его франки, или просто Ру, как именовали его в подвластных землях. Объявленный у себя на родине в Норвегии вне закона, он решил стать королем в краю северных франков и подчинил их себе. Древний франкский город Ротомогус, переименованный в его честь в Руан, стал столицей. Ролло начал править в нем, издавать свои законы. Когда-то еще отец его, тоже Ролло сын Бычьего Торира, прозванный Пешеходом, обосновался в этом краю, после того как измученное постоянными

¹ Норманны – *normenns* – северные люди.

² Скальды – воины-певцы в обществе викингов.

налогами местное население выразило готовность повиноваться ему, лишь бы он оградил их от новых грабительских походов.

Это было в семидесятих годах кровавого девятого века. Но уже в начале десятого столетия место погибшего Пешехода занял его незаконнорожденный сын, молодой Ролло, которого также продолжали называть Пешеходом, путая с отцом, как из-за их имен, так и благодаря внешнее сходству, а трудившиеся в темных кельях над анналами³ монахи-каллиграфы только дивились долгожительству и необычной молодости того, кого столько лет почитали повелителем земли, называемой отныне Нормандией. Ибо в тот грубый век двадцатилетний человек считался вполне зрелым, а сорокалетний – стариком. Ролло же словно был вечен и оставался молодым. И непобедимым. Земля северных людей – Нормандия, стала его владением, и самые именитые правители Франкии: король Карл III Простоватый, герцог Нейстрии Роберт Парижский, графы Вермандуа, Пуатье, Фландрии, все они вынуждены были смириться с этим. Языческий правитель, пришедший с Севера, становился им ровней. Могли ли они, христиане, терпеть этого язычника?

Они уступали ему. Они были слабее его, и этому в немалой степени способствовали их постоянные распри. Король Карл не пользовался особым авторитетом и оставался главой франкской знати лишь благодаря громкой славе своих предков Каролингов. Мир без короля тогда казался невыносимым, и хотя Карл и был помазанником Божьим, но в тот век, когда королевства и короли появлялись одно за другим, слишком много сильных правителей считали, что венец короля был бы им более к лицу.

Так же думал и возвысившийся язычник Ролло. И не скрывал этого, мечтая завоевать себе королевство по праву сильного. Он мечтал основать свою династию. Однако его скандинавская жена, загадочная колдунья Снэфрид Лебязьбелая, была бесплодна.

Но вот в начале 910 года ко дворам франкских феодалов пришла весть, что Роллон Нормандский, оставив Снэфрид, привез из Байе себе новую невесту, которая уже ждала от него ребенка. Ее звали Эммой, и у нее было забавное прозвище Птичка.

Эта избранница языческого повелителя Нормандии была в родство с самим королем Карлом Простоватым, а также с самым могущественным герцогом Робертом Парижским. И хотя девушку и продолжали называть по титулу ее приемных родителей Эммой из Байе, но еще никто не знал, что повлечет за собой этот союз завоевателя и франкской принцессы.

³ Анналы – вид хроник, отличающийся сжатой формой повествования.

Глава 1

910 год от Рождества Христова

Весть о браке правителя Нормандии достигла его столицы Руана еще до того, как корабль с оскаленной драконьей мордой на носу бросил якорь в гавани города. Толпы людей заполнили набережную, они шумели, выкрикивали приветствия, ликовали. Здесь собирались как выходцы с Севера с семьями, так и франки, и бретоны, и евреи – все, кому последние мирные годы под властью Ролло дали возможность передохнуть от войн и зажить спокойной оседлой жизнью.

Когда-то разоренная, опустошенная набегами и грабежами, Нормандия при Ролло ожила и теперь приветствовала своего правителя и его избранницу. В городе вот уже несколько дней шли приготовления к пиру, и теперь толпа, приветствовала тех, ради кого велись все эти приготовления. Люди любовались молодой парой, желали им счастья.

Конунг⁴ был очень крупным, привлекательным мужчиной, с широкими плечами и мощной грудью воина. Резкие черты лица – квадратный, немного выступающий подбородок, высокие скулы, жесткая, будто прорисованная, линия рта, тонкий прямой нос – только усиливали притягательность холодных светло-серых глаз, контрастировавших со смуглым обветренным молодым лицом. Густую гриву длинных русых волос сдерживал блестящий серебряный обруч.

Его избранница была просто красавицей. Ее длинные медно-рыжие волосы растрепались на ветру и словно пылали огненным жаром, обрамляя тонкое лицо. Они ярко оттеняли ее большие карие глаза, искрящимися счастливым блеском из-под длинных, немного загнутых на концах, ресниц. Ровные мелкие зубы сияли в улыбке, на нежных щеках играли ямочки. Она смеялась, махала рукой, явно наслаждаясь этой шумихой и всеобщим вниманием.

Эмма Птичка была среднего роста, но рядом с рослым крупным северянином выглядела особенно хрупкой и маленькой. На теплом апрельском ветру, в облегающем светим шерстяном платье она казалась очень изящной. Во всей ее долгоногой тонкой фигуре еще чувствовалось что-то подростковое, и это тем более умиляло толпу, ведь все уже знали, что она ждет ребенка от этого огромного Ролло.

Конунг Нормандии белозубо смеялся, то и дело прижимая к себе левой рукой невесту. Она родит ему наследника – сына, которого с нетерпением ждали все подданные. Ибо эти люди, считавшие себя уже нормандцами, нуждались в династии северянина, дабы быть уверенными, что род правителя, с которым они познали мир, не прервется и они и дальше будут жить под властью того, кто дал им защиту и процветание. Это было тем более долгожданно, ибо Роллон решил объявить Эмму законной женой.

Когда драккар⁵ причалил и стукнулся бортом о бревенчатый настил длинной пристани, конунг Ролло легко подхватил невесту на руки и спрыгнул со своей драгоценной ношей на причал. Все его движения были уверенными, двигался он удивительно легко. И все же Эмма на миг испугалась, охнула и, зажмурив глаза, крепко обвила его шею. Но Ролло лишь улыбнулся и легко понес ее по сходням. Толпа довольно загудела и разразилась криками ликования, когда он вместе со своей ношей повернулся к ним и громко выкрикнул приветствия. В воздухе стоял шум и лязг оружия, когда воины по старинному обычаю ударяли мечами по щитам, выражая свое одобрение происходящему.

Эмма счастливо смеялась, болтала ногами, разглядывая людную пристань. Правда, на миг улыбка застыла на ее губах, когда она бросила взгляд на сиявшие кресты церкви близ дворца епископа на острове посреди Сены. Она согласилась стать женой языческого правителя

⁴ Конунг – у скандинавов – правитель, король.

⁵ Драккар – длинная ладья викингов.

Нормандии по его варварскому обряду, без венчания у алтаря, и поэтому колокола христианских храмов молчали.

– Что с тобой, Птичка? – участливо спросил Ролло, увидев, как облачко грусти тенью проскользнуло по челу его невесты. – Разве ты не счастлива?

«Я не выполнила то, что от меня ждали, и не спасла душу Ролло от геенны огненной! Однако, видит Бог, никто не убедил меня, что я рано или поздно не настою на своем».

Она ничего не ответила, а тряхнув своими роскошными волосами, нежно приникла к груди Ролло.

– Как я могу быть несчастной, когда я с тобой, мой Ру!

Она широко улыбнулась. Эмма выглядела счастливой даже тогда, когда узнала, что ее духовный наставник, епископ Франкон Руанский, не явился на свадебный пир, хотя и числился среди приглашенных. Этим он явно подчеркивал свое недовольство языческим союзом правителя Нормандии. И хотя епископ устно сослался на уважительную причину – тяжелый приступ подагры – и даже прислал своего помощника приора Гунхарда, но на самом деле было ясно, что это только предлог и на самом деле преподобный отец не так болен, как хотел показать.

Когда вечером молодой приор Гунхард вернулся из дворца нормандского правителя, епископ ожидал его сидя в кресле перед небольшим складным столиком. Перед ним покоилась роскошная, оправленная серебром и инкрустированная драгоценными камнями книга Евангелия.

Приор Гунхард скромно остался стоять у порога, а епископ словно не замечал его, погружившись в чтение. Наконец он негромко прочел:

– Придем, поклонимся и припадем, преклоним колена перед лицом Господа, Творца нашего. Ибо он есть Бог наш, и мы – народ паствы Его и овцы руки Его.

Он прикрыл глаза, немного склонил голову, будто приглашал собеседника разделить наслаждение откровением только что прочитанного Псалма.

При слабом освещении светильника было видно, что преподобный Франкон был благообразным, тучным мужчиной с наметившимся двойным подбородком, утопавшим в меховой опушке роскошной фиолетовой сутаны. Его темные с проседью волосы были коротко острижены, сквозь них на затылке просвечивали складки жира. Однако на расплывшемся лице острым умом светились темные глаза, а надменно поджатые губы выдавали натуру сильную и не привыкшую к поражениям... Руки епископа были слишком тонкими, унизанные перстнями длинные пальцы изящно перебирали зернышки агатовых четок.

– Итак, сын мой, ты прибыл с языческого пира, на котором христианская принцесса вступила в греховную связь с язычником Роллоном.

Гунхард согласно кивнул темноволосой головой. Лицо у этого приора было непримечательное, бесцветное, но не глупое. Он стоял перед Франконом, скромно опустив глаза, спрятав кисти рук, в широкие рукава темной сутаны, всем своим видом демонстрируя покорность и смирение.

– Отпустите мне грех, ваше преосвященство, – произнес он на превосходной латыни. – Сейчас пост, а эти нехристи вынудили меня есть скоромное, пригрозив, что иначе будут гонять меня хлыстами по залу, как дикого пса.

Епископ постарался спрятать в уголках полных губ улыбку. По привычке пожевав ими, строго сказал:

– Так, значит, во дворце язычника Ролло идет настоящая оргия? Этого и следовало ожидать... Что ж, было бы удивительно, если бы сейчас, когда эти двое смогли наконец соединиться, что-то могло омрачить их радости. И Эмму даже не огорчает то, что ее союз с язычником не будет признан ни одним из христианских соседей норманнов!

Гунхард начал отвечать словно бы нехотя. Да, пир у язычников удался на славу – много браги, вина, сладкого сидра, а еще целые горы мяса, рыбы, колбас. Да и весь город сегодня пирует, везде шум, веселье.

Франкон чуть повел подкрашенной бровью. Что в городе буйствует праздник, он знал и без помощника: крики, хохот, пение долетали даже до его уединенного покоя. В схваченном частым переплетом окошке отражались отсветы праздничных костров. И хотя приор Гунхард старался выказать свое осуждение подобного непотребного буйства в святой пост, но сам-то он задержался на пиру куда дольше, чем ему наказал епископ.

– Что ты скажешь о самой невесте Роллона? – напрямую спросил Франкон.

– Она выглядела счастливой и веселой. Но мне становилось не по себе, когда замечал, какими плотскими взглядами обмениваются они с Роллоном. Она явно рада этому союзу с язычником. А ведь в этой женщине течет царственная кровь Каролингов.⁶

Не будь Гунхард в подпитии, он не произнес бы так неосторожно последней фразы, ибо родство Эммы с королем по-прежнему держалось в тайне. Однако Франкон сделал вид, что ничего не заметил, и вновь стал расспрашивать приора о свадьбе. Тот охотно поведал, как восхитительно пела новобрачная о просьбе собравшихся, какой дивный голос у нее голос. Гунхард даже описал наряд невесты – зубчатый венец, роскошное платье из малинового шелка с золотым шитьем.

Франкон кивнул.

– Да, да. Это платье некогда преподнес Эмме ее дядюшка герцог Роберт. Прискорбно понимать, как обманулась в своих надеждах высокородный родич Эммы, надеявшийся отдать Роллону руку племянницы с условием, что этот союз состоится по христианскому обряду.

– Клянусь благодным небом, – вздохнул Гунхард, – но если бы вы видели, с какой охотой сегодня пила эта женщина брачный кубок с Ролло, как смеялась, когда он надевал ей на руку свадебный браслет – вы бы не рассчитывали более на том, что Эмма вынудит этого варвара вступить в купель. Увы, родственница Робертине и Каролингов отныне стала его языческой шлюхой, а там и матерью его выродка, бастарда. Она – зло, которое несет с собой каждая женщина со времен праматери Евы. И ни вы, преподобный отец, ни сиятельный Робертин не могут отныне надеяться, что она захочет помочь вам в вашей святой миссии – привлечь этих язычников в лоно святой матери Церкви.

В глазах Гунхарда загорелся фанатичный блеск. Франкон же, наоборот, поник. В душе он все же симпатизировал как этой рыжей девушке, так и ее избраннику Ролло. Но увы, теперь и в самом деле сей языческий союз не будет признан ни в одном из окружающих их христианских княжеств.

– Нам остается лишь уповать на время, – смиренно возвел он очи горе. – Мы все во власти Божьей... И кто знает, может, Эмма Птичка достаточно крепка в своей вере, и все же постарается спасти душу язычника Роллона. Ибо – видит Бог! – он достоин этого.

Весь остаток ночи преподобный Франкон долго и самозабвенно молился.

Через несколько дней, как раз во время празднования Пасхи, Эмма все же навестила своего духовного отца в его дворце на острове посреди Сены.

Епископ уже знал, что, став правительницей, Эмма совершила много достойных христианки дел: пожертвовала драгоценности из свадебных даров на ремонт церквей в Руане, выпросила у Ролло право устроить богадельню при строящемся монастыре Святого Годара. Она даже уговорила мужа посетить службу в христианском храме. И хотя какое-то время Ролло следил за богослужением, но потом начал зевать, а в самый ответственный момент, когда все опустились на колени, а Франкон поднял просфору, символизирующую Агнца, под сводами раздалось мерное позвякивание шпор о плиты собора – это Ролло, устав от церемонии, покинул храм.

⁶ Каролинги – королевская династия, правившая во Франции с 751 года.

– Он не должен был этого делать! – возмущалась Эмма, когда после мессы она прошла с Франконом в пустой скрипторий⁷ и теперь гневно металась среди попитров, порой машинально сдвигая восковые таблички с записями, задевая горки шуршащих свитков. – Он обещал мне, что будет вести себя пристойно!

Тучный Франкон, все еще в нарядной, расшитой жемчугом ризе, сидел на скамье в нише окна, задумчиво перебирая четки, и наблюдал за Эммой. Она осталась такой же порывистой и нетерпеливой, однако перемены, происшедшие в ее жизни, все же оставили на Птичке из Байе свой отпечаток: в чертах ее лица проступало что-то более женственное, мягкое, в движениях появилась изящная плавность, а во взгляде исчезла сердитая затравленность. Даже в том, как она гордо несла свою небольшую аккуратную головку, уже не было строптивости, а сквозило некое благородство и достоинство.

– На каком ты месяце, Эмма? – прямо спросил Франкон.

Она резко остановилась, потом потупилась, покраснела. Стояла, машинально теребя на груди рыжие косы.

– На четвертом.

Стояла перед ним тоненькая, как шелковинка, в платье из ярко-голубого бархата со сверкающими аппликациями из драгоценных камней у горла. Так же богато была украшена и широкая кайма ее свободных, длиной лишь до локтя рукавов, из-под которых спускались до запястья белоснежные узкие рукава нижней туники. Голову ее покрывала легкая белая вуаль, длинные концы которой были отброшены на плечи, а вокруг чела блестел тонкий золотой обруч, украшенный над бровями блестящим камнем – сапфиром в форме звезды.

– Почему вы так на меня смотрите, преподобный отче?

Епископ вдруг смутился, поняв, что восхищенно любит земной красотой своей духовной дочери. Воистину, одежда красит человека... Хотя эта рыжая девушка всегда была дивно хороша – сливочно-белая кожа, тонкий прямой нос, нежные линии подбородка, точеная шея.

И Франкон вдруг словно заново ощутил все очарование этого Светлого Воскресения в конце апреля, тихое помещение скриптория будто наполнилось запахами и голосами весны: долетавшим из сада ароматом обильно цветущего шиповника и левкоев, чуть сыроватым привкусом вчерашней золы из пасти очага, нежными трелями зяблика. Да, Эмма просто-таки источала шальную жизненную энергию, силу пробуждения природы, которая гонит из оттаявшей земли прекрасные весенние цветы, чей аромат туманит разум.

Вот и Франкон, вначале настроенный сурово отчитать свою духовную дочь за отступничество, вдруг смягчился, отвел взгляд, заморгал на солнечные блики на водах Сены. Эта девушка была сама как весна, как легкокрылая мечта, несущая с собой неутолимую страсть и надежду. На эти ли хрупкие плечи взвалить непосильную ношу, с какой не могли справиться и опытные мужи, пытавшиеся убедить в догматах христианской веры закоренелого язычника, варвара и завоевателя Ролло Нормандского?!

Франкон машинально следил, как за окном лохматая бурая лошадка тащила к мельнице воз с зерном.

– Садись, Эмма. Если ты не против, то мы немного вспомним урок из Алкуина.

Она тут же опустилась на скамью, по-детски сложив руки на коленях.

– Что есть весна? – коротко спросил Франкон.

– Живописец земли, – тут же ответила Эмма.

– Что такое тело? – спрашивал урок епископ.

– Жилище души, – просто и четко отозвалась Эмма.

– Что такое год?

– Колесница мира.

⁷ Помещение в монастыре, где монахи работали над рукописями.

– Как помещен человек в миру?

– Как свеча на ветру.

«Истинно так, – про себя отметил Франкон. – Дунул ветер – и нет человеческой жизни».

Он неожиданно вспомнил о юноше, с которым обучал Эмму по урокам Алкуина, – младшем брате Ролло Нормандского Атли. Ведь когда-то Ролло привез рыжую красавицу просто в подарок брату. Но сам Ролло уже тогда менялся в лице при одном взгляде на Эмму. А Атли был так слаб, так болен... Теперь же его нет на белом свете, и эти двое смогли наконец соединиться.

– Вы думаете об Атли, брате Ролло? – посерьезнев, спросила Эмма.

Франкон вздрогнул.

– Ты стала проницательной, Птичка.

Она грустно улыбнулась.

– Не в этом дело. Вы ведь должны были рано или поздно спросить у меня о нем.

Она поведала епископу о последних днях Атли. Он стал христианином и столь же искренним, сколь непримиримым язычником оставался Ролло. Атли знал, что скоро умрет, и попросил, чтобы его погребли на горе Мон-Томб в обители Архангела Михаила. А перед смертью Атли страстно желал видеть старшего брата, чтобы уговорить его принять веру истинного Бога.

– Им так и не суждено было еще раз встретиться на этом свете, и это очень горько, ибо последняя их встреча произошла во вражде из-за меня.

Франкон вздохнул. Воистину, будь Атли не таким слабым и женись он на Эмме... Епископ вдруг почувствовал, как чудесное очарование от присутствия рыжей Эммы бесследно уходит, развеивается как дым. Он вновь стал суровым прелатом, главой христиан нормандских земель, ответственным за их судьбу. И эта молодая женщина, что сидит перед ним, хрупкая и на вид беззащитная, все же смогла добиться своего и приручить такого хищника, как Роллон. Что ж, если она добрая христианка, то должна не забывать о своем святом долге и ее долг заставить Ролло принять крещение, а с ним – и весь этот край. Ведь была же в землях франков Клотильда Бургундская⁸, приведшая к купели варвара Хлодвига.

– Итак, ты сегодня счастлива, дочь моя? – опустив глаза на зерна четок, спросил Франкон.

Лицо Эммы засияло прямо-таки ослепительным светом счастья. Но Франкону было уже не до земных прелестей духовной дочери. Долг должен быть сильнее сиюминутных колебаний уступчивой души.

– Итак? – он строго-вопросительно чуть приподнял подкрашенную бровь.

– О! – она вздохнула так, словно само дыхание приносило ей радость. – О, даже в раю ангелы небесные не ведают такой радости.

Франкон невозмутимо пожевал губами.

– Мне горько осознавать, как мало людей воспринимают земную жизнь лишь как временную суть, как подготовку к истинной жизни в небесном чертоге. И учти, Птичка, что когда настанет твой час вступить в вечность, ты будешь там одна. Ибо для человека, которого ты так любишь, для этого язычника доступ туда будет закрыт.

Он увидел, как погасли огоньки в глазах Эммы, и ощутил что-то похожее на удовлетворение.

– Так-то, дитя мое. И если ты желаешь добра своему возлюбленному – то ни на миг не должна забывать: главный твой долг – спасти душу своего избранника.

Эмма судорожно слотнула.

– Вы несправедливы ко мне, преподобный отец. И – Бог мне свидетель – я хочу добиться того, о чем вы со мной толкуете.

⁸ Клотильда – племянница короля бургундов, христианка, ставшая в 492 г. женой короля салических франков Хлодвига. Имела влияние на мужа и способствовала принятию им христианства.

– Хорошо, чтобы в опьянении любовью ты не забывала о своем долге христианки. Роллон, как бы ни был нежен и добр с тобой, все же останется чуждым тебе существом. Ибо, пока он поклонник кровавых демонов Одина и Тора⁹, он живет, мыслит и действует иначе, чем любой из христиан. И дьявол всегда главенствует в его душе.

И тут Эмма запальчиво встала на защиту мужа. Конечно, ей горько, что ее возлюбленный Ролло остается иноверцем, но разве он не порвал с войной, принес мир в этот край, и разве христиане не благословляют его в своих молитвах за то, что он дал им величайшее благо созидания? «Блаженны миротворцы», – учит Библия, и разве Ру, оставаясь язычником, не следует этому пути? Он позволяет христианам строить монастыри, он не препятствует, когда его воины принимают крещение, он создает разумные законы. А монастырю Святого Михаила он даже отписал целую пустошь с угодьями и почитает этого архангела так, как может почитать только великого воина – что еще можно ожидать от поклонника войны?

– Я же со своей стороны готова сделать все возможное, чтобы убедить мужа принять крещение в купели, но... Вы не должны требовать от меня слишком многого и слишком быстро, ваше преосвященство.

Франкон щелкнул агатовым зерном четок.

– Главное, чтобы твое желание не ослабело со временем, Птичка.

Эмма вдруг улыбнулась каким-то своим мыслям.

– Знаете, отче, у нас с Ролло уговор – если я рожу ему дочь, он крестится. Если будет сын... что ж, тогда мне придется начать все сначала и вновь уговаривать моего язычника.

– Странное пари ты заключила с Роллоном, – хмуро заметил Франкон. – Подобными вещами не полагается шутить.

– Но ведь слову Ролло можно верить, – мечтательно улыбнулась Эмма. – И все, что нам остается, ваше преосвященство, – так это молить небеса, чтобы дитя у меня под сердцем оказалось маленькой девочкой.

Франкон хорошо знал свою духовную дочь. Она была легкомысленной, страстной, сентиментальной, но и практичной. Поэтому она должна понять, как необходимо ввести Ролло на правах равного христианского государя в число правителей Франкии.

Однако он не учитывал, что теперь, когда эти двое наконец воссоединились, их больше занимала их любовь, нежели все, что будут судачить о них в иных графствах. Поэтому, как ни была решительно настроена Эмма после разговора с епископом, но, по возвращении во дворец мужа, она попросту занялась приготовлениями к пиру, какой намеревалась устроить по поводу Светлого Воскресения Христова.

Норманнам было все равно, по какому поводу пировать. Главное, чтобы подавали хорошее вино, чтобы было много закуски, а так же много красивых женщин, плясок и веселых песен.

Во время наступившего пира Эмма сама следила, как будет происходить увеселение. По ее знаку в зал вносили все новые и новые изысканные блюда. Поданы были молочные поросята, зажаренные на вертелах и начиненные крошечным из кабаньих потрохов и бычьей печени; вносили душистые окорока, копченые на можжевеловых ветках; откормленных гусей подавали с взбитыми сливками; дичь, жареная, вареная, печеная, чередовалась с моллюсками; устрицы с резаным луком следовали за вырезкой из оленины... Вереница блюд казалась нескончаемой. Все это было приправлено свежей зеленью, репой и салатами. Подкатывали все новые бочонки со сладким местным сидром, несли кувшина с винами, с медовухой, ну и конечно пенное пиво, которое так любили выходцы с севера.

⁹ Языческие божества из пантеона древних скандинавов, покровители войны.

– Ты, рыжая, устроила пир, не хуже чем при дворе Каролингов – отметил, улыбаясь, Ролло.

– Так и будет при нашем дворе! – гордо вскинула голову Эмма.

По ее знаку внесли специальные пасхальные пироги с творогом и тмином, украшенные изображением ангелов. Норманны поедали их с удовольствием и требовали новых напитков. К тому же многие из них уже прошли обряд крещения, и хотя это не произвело на них особого впечатления, и они продолжали приносить жертвы Одину и Тору, однако под такое угощение можно выпить и за воскресшего где-то Христа!

В дымном свете горящих светильников меж столов сновали фигляры, пели, жонглировали факелами. Поводырь вывел на цепи лохматого медведя. Играя на свирели, стал сам приплясывать, а мишка, встав на задние лапы, тоже переминался, неуклюже подпрыгивал. Некоторые подвыпившие викинги полезли через столы и, притопывая, плясали рядом с медведем.

Ролло, развалясь в своем широком кресле, хохотал до слез, глядя на них. Эмма смотрела на мужа с нежностью. Сейчас он был похож на мальчишку, когда вот так заходился от смеха, хлопал себя ладонью по колену.

Голову властителя Нормандии венчал богатый обруч с единственным острым зубцом над бровями. В этом венце не было роскоши корон франкских правителей, но он так шел Ролло, стягивая его длинные волосы – в этом было какое-то варварское великолепие. В остальном Ролло был одет на франкский манер: в полудлинную тунику тонкого синего бархата, голубоватые переливы которой словно подчеркивали сильную мускулатуру викинга. Ибо Ролло, как ни старалась Эмма приучить мужа носить нижнюю рубаху, считал белье ненужной роскошью, годной лишь для неженков и мерзляков. Зато плащ он носил с чисто имперским великолепием: перекинув через плечо складчатую серебристую ткань, удерживаемую у плеча дорогой фибулой¹⁰ с камнем из красной яшмы, а у талии собранную поясом из чеканных пластин.

И еще Эмма обратила внимание, что на груди Ролло, там где христиане носили крест, у ее мужа висел языческий амулет – молот бога-громовержца Тора. Эмма вдруг вспомнила пренебрежение, с каким Ролло отнесся к праздничной службе христиан сегодня в соборе.

– Ты огорчил меня во время мессы, Роллон, – сверкнув глазами, произнесла она. – Ты ведь знал, как для меня и для всех твоих крещеных людей важно присутствие их повелителя на праздничной службе.

Ролло, не глядя на нее, пренебрежительно пожал плечами.

– Не будь занудой, рыжая. Я ведь не настаиваю, чтобы ты посещала капища наших богов.

– Но сегодня такой праздник, а ты...

– Я не прочь его отметить и выпить с тобой за воскресшего Христа добрую чарку. Но наблюдать за нудным паясничанием ваших длиннополых священников... Нет уж, лучше я сжую свой ремень!

И улыбнувшись насупленной жене, сказал:

– Не будем ссориться хоть во время пира, моя маленькая фурия.

Эмма передернула плечами.

– Ладно, я сейчас смолчу. Но мое время придет, когда я рожу тебе дочь. А ты дал слово, Ру.

Кажется, они опять готовы были вступить в перепалку. Обычное дело, и это вызывало у обоих возбуждение. Вот и сейчас Ролло сердито рванул к себе вазу с фруктами, и яблоки рассыпались по столу. Он схватил одно из них, сжал до хруста, так что оно треснуло в его могучей ладони.

– Ты знаешь, жена, что не имеешь права плодить мне девчонок, когда я так нуждаюсь в наследнике!

¹⁰ Фибула – декоративная металлическая булавка, служащая для скрепления складок одежды.

Он яростно впился в яблоко зубами.

У Эммы горели глаза, сбивалось дыхание. Как же он великолепен, когда так гневается, сколько в его движениях сдерживаемой силы!

И вдруг ей захотелось ущипнуть его за сильное запястье, взлохматить его львиную гриву, впиться поцелуем в рот. Она поспешила отвернуться и сжала пальцы рук, словно сдерживаясь. Но Ролло уже все понял. Его жующие челюсти замедлились, в глазах заплясали веселые искры.

– Думаю, не важно, кто родится у нас первым, женщина. Ибо, когда я вижу, как ты хочешь меня – я думаю, что мы с тобой сделаем еще немало сыновей, которые смогут постоять за Нормандию и своего отца. И не красней так, ибо я знаю, насколько ты можешь быть бесстыжей... Восхитительно бесстыжей!

– Несносный Ролло! – так и подскочила Эмма.

Она хотела еще что-то добавить, но тут заиграла музыка, зазвучал мотив танца крокамол, и Эмма, перебросив за спину длинные рыжие косы, поспешила в шеренгу танцующих.

Плясать этот варварский танец с мечами она обучилась, еще гостя у Ботто Белого в Байе. Мужчины, подняв в руках обнаженные клинки, выстроившись в цепочку и притоптывая, менялись местами, скрещивали их с громким лязгом, как в битве, выкрикивая с какой-то своеобразной варварской мелодичностью:

*Лихо мы рубились...
Юн я был в ту пору.
И у Эресунна
Кормил волков голодных...*

Хор мужских голосов придавал танцу величавость. Плясавшие менялись местами, поворачивались, кладя свободную от меча руку на плечо соседа, двигались шеренгой. Поднятые мечи в светлом отблеске масляных огней на треногах были очень красивы, и когда мужчины, обойдя зал, занимали вновь место друг против друга и скрещивали мечи, женщины скользили между ними, плавно покачиваясь и нежно вторя воинам, склоняясь под скрещенными, ударяющими в такт клинками.

Ролло улыбнулся. Эмма была заводилой в шеренге женщин. Чего еще ожидать от нее! Ей бы только попеть и поплясать, привлечь к себе внимание. Он видел, как она грациозно плыла, делая плавные движения руками, как замирала в стороне за шеренгой мужчин, когда они сходились, вновь ударяя мечами. Она была такая легкая, яркая. Беременность еще никак не отразилась на ее внешности, и лишь Ролло знал, что под ее чеканным поясом со свисающими концами уже проступает живот. Однако, в отличие от большинства женщин, Эмму не тяготило ее положение, она была такой же живой и подвижной, как ранее, чувствовала себя превосходно, ела с завидным аппетитом.

Ролло невольно сравнил ее с одной из сидевших за столом женщин, бледной и изможденной. Ее звали Виберга – бывшая рабыня, которую он освободил, когда узнал, что она беременна от его недавно умершего брата Атли. Ролло взял ее с собой в Руан, поселил во дворце. Эмма заботилась о ней, ибо беременность у Виберги протекала очень мучительно. Правда, недавно Виберга пожаловалась на Эмму, что та порой отпускает ей пощечины, как будто она все еще рабыня. Но Ролло и не подумал вмешиваться – эти женщины должны разобраться во всем сами. К тому же Виберга уже успела прославиться своим желчным, дурным нравом.

Ролло увидел, как Эмма, скользнув в танце мимо стола, украдкой показала ему язык. Он засмеялся. Но потом слегка нахмурился, увидев, как жена встала рядом с его ярлом¹¹ Бернардом, положив руку тому на плечо. Ролло показалось, что стоит она к нему чересчур близко.

¹¹ Ярл – знатный человек, предводитель у скандинавов.

Птичка явно симпатизировала этому рослому норманну со светлой гривой и темно-каштановой, заплетенной в косицы бородой. Он был ее охранником и однажды спас ее, когда прежняя жена Ролло Снэфрид пыталась известить Эмму колдовскими чарами. Теперь Бернгард – крещеный викинг, стал и одним из приближенных Ролло. Конунг всерьез подумывал ввести его в свой совет. Но то, что Эмма всегда так мила и кокетлива с ним, не нравилось Ролло. Хотя эта рыжая не может, чтобы не строить глазки любому сколько-нибудь пригожему парню.

Вот она приветливо улыбается уже Галю, а теперь – Торлаугу. Конечно, все они преданные ему люди... И тем не менее Ролло видел, с каким восхищением они пялятся на его рыжеволосую красавицу-жену. Его обуяла такая жгучая ревность, что, когда Эмма, все еще разгоряченная, с блестящими глазами возвратилась к столу, он поднялся ей навстречу, подхватил на руки, властно прижал к груди, так, что она даже взвизгнула, и, не говоря ни слова, понес к лестнице, ведущей в верхние покои.

За их спиной раздался взрыв хохота и приветственные крики.

– Как ты можешь так поступать со мной! – вырываясь, возмущалась Эмма, когда он нес ее по сводчатым переходам дворца. – Я не одна из твоих девок, а законная жена. Пусть и языческая. Что подумают о своей повелительнице люди, когда ты ведешь себя, как...

Она не договорила, ибо его жесткие губы властно и нетерпеливо прикинулись к ее устам. И Эмма умолкла, замерла, как всегда оглушенная и покоренная страстью и силой этого викинга, отозвавшейся в ее теле томительным, нарастающим желанием.

Ударом ноги Ролло распахнул створки двери, опустил Эмму на мягкий мех ложа, затем резко выпрямился, отшвырнул со стуком упавший пояс, сбросил плащ, рывком сорвал тунику.

Он тяжело дышал, и, когда Эмма приподнялась, чтобы тоже раздеться, он нашел ее действия невыносимо медленными. Тогда Ролло положил руки ей на плечи, и от его сильного движения ткань платья с резким треском разошлась до пояса.

Звук разрываемой ткани поднял волну страсти в теле Эммы, прикосновения твердых ладоней к коже бросили ее в дрожь. И все же – она уже знала, что нравится мужу такой, какая есть, – она гневно зашептала, вырываясь:

– Мой бархат!.. Ты порвал мое новое великолепное платье – дикарь, варвар... и...

Голос сорвался на горячий шепот. Она сладко застонала, прикрыв глаза, когда Ролло склонился к ее обнаженной груди.

– ...Говори... Я внимательно слушаю, – страстно шептал он в перерывах между поцелуями. – Так, варвар и... – его губы сомкнулись вокруг напрягшегося соска Эммы.

– Мне все равно... – пролепетала она глухим голосом, словно издалека, выгнулась, задыхаясь, и крепко обняла Ролло.

Все негодование куда-то улетучилось, и она растворилась в его страстных объятиях, моментально став покорной и ласковой.

Эмма скоро полюбила эти полные страстного бреда соития. Сейчас уже и не верилось, что когда-то ее пугала близость с мужчиной, и она теряла сознание, едва Ролло касался ее. Теперь Эмма сама летела ему навстречу, шальная и горячая, ослепленная любовью и страстью.

Однако их отношения всегда были противоборством, и даже сейчас, уступая, она жаждала подчинения. Лишь чудовищная сила Ролло, его удивительная нежность брали над ней верх, доводили ее до иступления. Он видел это и наслаждался ее отзывчивостью, восхищался ее готовностью принять все и вся. За свою жизнь он познал немало женщин, желал и получал их, но когда эта маленькая фурия вдруг становилась столь ласковой и податливой в его руках, он просто терял голову, забывал обо всем, что было у него до нее, упивался ею, любил ее, видел только ее, удивляясь собственной нежности и терпеливости, страстному желанию дать ей изведать еще больше, изумить, завлечь, восхитить...

И он ласкал ее, целовал, испытывал радость ее откровенной восторженности, терял голову от трепетных содроганий и криков, которые потрясали это нежное тело, захваченное порывом страсти, клокотавшей и в нем, даря изумительную по своей силе сладость.

Они так и заснули, прижавшись друг к другу, при мерцающем свете горящих в огромном камине поленьев.

Настали летние дни, ясные, погожие, с ночными грозами и теплой благодатью днем. На полях ровно всходила пшеница, ожидался небывалый урожай яблок, возросли удои молока. Нормандцы разводили особую черно-пегую породу коров, которая считалась особенно удойной и которую уже даже франки называли нормандской.

В Руане и новых крепостях Нормандии нередко можно было увидеть торговцев, ибо при хорошей погоде и в мирное время торговля всегда расцветала. По охраняемым нормандскими воинами дорогам гнали сильных местных лошадей, тонкорунных овец, рогатый скот, везли фуры с солью, бочонки с сидром. Везли и ценные металлы – а таковыми являлись все. Часто можно было видеть вереницы возвращавшихся в Нормандию беженцев, впрягшихся в нехитрые возки со скарбом.

Жители Руана с интересом следили за отношениями между своим господином и его христианской избранницей. И не потому, что норманны редко брали в дом местных женщин, а потому, что мало кто возвышал их до уровня законных жен. Ибо в глазах северян их соотечественницы были более достойными партиями, так как, по языческим представлениям, вели свое происхождение от древних богов. И хотя на такую женщину нельзя было поднять руку или подчинить силой, но и дети от гордых северянок несли в род частичку божественной крови. Ролло же во всеуслышание объявил, что его законным наследником станет ребенок от рыжей христианки.

Когда Ролло только женился, многие твердили, что эти двое не уживутся долго вместе, ибо слишком различны были их взгляды и верования. Это сделало пару объектом почти болезненного внимания как соратников Ролло, так и местных франков. Сплетни о размолвках нормандской четы ползли по городу. Говорили, что рыжая госпожа не оставляет своих попыток влиять на правителя. Прежняя жена Ролло никогда так себя не вела. И конунг, важно уверяли норманны, скоро прогонит христианку.

Судачили и о высоком родстве Эммы с правителями франков, которые, однако, не спешат открыто признавать ее. Но время шло, отношения между супругами не портились, а чувство, казалось, только укреплялось.

Ролло часто уезжал, а когда возвращался, то непременно прежде всего спешил к Эмме. Она восседала подле него, величественная и прекрасная, а когда выезжала в город из дворца, за ее носилками бежал народ, все громко кричали и прославляли госпожу.

Эмма была счастлива, получая все эти почести и купаясь в восхищении толпы. Она любила в Ролло мужчину, а не правителя, и, добиваясь его, думала о нем скорее как о варваре, с которым когда-то бродила по лесам Бретани, но не как о конунге, брак с которым вознесет ее так высоко. По своей натуре Птичка, не была честолюбива, но, стремясь к всеобщему вниманию, привыкшая к восхищению толпы, быстро вошла во вкус положения жены правителя, получая удовольствие от почестей и роскоши, которой окружил ее Ролло.

У нее были свои удобные покои, свои пажи, свои кравчие, свой сенешаль, был и целый отряд викингов-охранников и, по крайней мере, около тридцати личных слуг и рабов. Ближнюю свиту новой госпожи составляли специально подобранные женщины, своего рода фрейлины, частью франкские жены, частью – скандинавки. И все они дивились ее смелости перед мужем, когда она вдруг дерзко в чем-то противоречила Ролло, смела кому-то протезировать без его дозволения, карать или миловать. Однако эта юная девочка-госпожа уже хорошо пони-

мала своего мужа и знала, что, добившись любви такого могущественного человека, она и сама приобрела часть этого могущества.

А их ссоры... Боже правый, Эмма сама не понимала, как получается, что, несмотря на всю любовь и нежность, между ними то и дело происходят перепалки. Случались меж ними и дикие сцены ревности, когда Ролло требовал, чтобы Эмма прекратила напропалую кокетничать, а она, в свою очередь, требовала, чтобы он усладил из Руана его прежних наложниц с детьми. На что Ролло отвечал, что эти дети – его кровь и плоть. И они будут жить там, где он прикажет, нравится это его Эмме или нет. Что же до бывших любовниц... Ролло даже удивлялся: он и имен этих женщин уже не помнил.

Эмма все же настаивала, а порой и наступала на мужа, сжав кулаки, – чем веселила и смешила его. Тогда она обижено запиралась в своих покоях, а он врывался к ней, выбивая двери и круша мебель. А потом оставался у жены на ночь. Ибо, несмотря на все противостояние, эти ссоры только сильнее разогревали их ночи, возбуждали страсть, ибо натуре Ролло, и Эмме необходима была борьба, чтобы полнее ощущать жизнь.

Порой, когда во дворец правителя прибывал епископ Франкон, они с Ролло и Эммой допоздна засиживались за трапезой со множеством изысканных блюд. Вышколенные слуги расставляли свечи и аромат воска смешивался с запахом свежести после легкого нормандского дождя.

Эмма обычно восседала рядом с мужем, вслушиваясь в словесные баталии Франкона и Ролло. Епископ убеждал язычника, что негоже такому могущественному правителю оставаться идолопоклонником, когда главная его задача – укреплять положение государства. А этой цели можно достичь быстрее, если уравниаться с соседями прежде всего верой. Тогда все правители будут видеть в нем ровню.

– Они и так не слепы, – ковыряя ногтем в зубах, лениво перечил епископу насытившийся Ролло. – Во мне есть сила, с которой нужно считаться. Вон послы из Англии привозят мне послания от своего короля. Граф Бодуэн Фландрский заключил со мной перемирие на десять лет. А люди из Кордовы, которые поклоняются Магомету...

– Молчи, молчи! – взмахивал руками и начинал неистово класть кресты Франкон. – Во имя Отца, Сына и Святого Духа!.. Мне горько сознавать, Роллон, что ты скорее объединишься с еретиками-мусульманами, нежели со своими соседями франками. А твой казначей – вообще иудей, а...

– А мой советник по составлению новых нормандских законов – именно ты, христианский священник. Как видишь, я не брезгую общением ни с одной из религий, и это только приносит мне пользу. Ибо каждый из вас силен в чем-то одном, я же использую каждого по назначению. У мусульман я закупаю оружие, у христиан-фризов – сукно, франкские каменотесы возводят мне укрепления, а мои соотечественники несут военную службу. Так что я всем доволен и мне незачем о чем-то молить вашего Христа. Пусть он мне только не мешает, а с остальным я управлюсь сам.

Эмма молчала, переводя взгляд с одного собеседника на другого. Ролло, уставший за день, расслабленный едой и вином, порой глядел на нее и мягко улыбался. Франкон изысканно объедал каплунюю ножку. Ценнейшие перстни поблескивали на его холеных пальцах. Церковные богатства нормандского примаса весьма возросли при власти Ролло, и Франкон чувствовал бы себя вполне счастливым, если бы не знал, что этот варвар готовится к новым завоеваниям. Ролло к этому побуждала воинственная религия северян. Епископ опять заводил речь о том, что Ролло куда больше смог бы сделать для своего края, если бы не разжигал войны с христианами.

Конунг небрежно отмахивался. Почему он должен думать о мире, когда сами франки воюют между собой?

Епископ не нашелся, что ответить. В Руане знали, что на Луаре Эбль Пуатье ведет нескончаемые войны с Адемаром, графом Ангулемским; Фульк Анжуйский, по прозвищу Рыжий, враждует с Тибо Турским; на грани войны и отношения между дядьями Эммы герцогом Робертом Нейстрийским и королем Карлом Простоватым. Да, франки воюют, ослабляют себя междоусобицами, в то время как власть Ролло крепнет. И этот варвар не скрывает, что ждет своего часа, когда пойдет большим походом на франков, ибо не отказался от намерения однажды стать главой всех земель Франкии.

– Ты очень честолюбивый человек, Роллон, – вздыхал епископ.

Конунг дерзко улыбался, но серые глаза цвета холодного моря его северной родины оставались серьезными.

– Только честолюбивые люди получают то, что хотят.

– Никто не в силах достичь невозможного, – неопределенно отвечал Франкон.

Он бросал украдкой взгляд на гордое лицо и мощный торс Ролло. Порой и Франкону казалось, что этому варвару под силу совершить невозможное. В нем жил дух Аттилы и Теодориха, а Франкон читал в анналах, сколь многого они достигли и какую память оставили в веках. И он, Франкон, считал, что должен сделать все возможное, чтобы остановить Ролло, не допустить нового нашествия. И в этом рассчитывал на благоразумие Эммы.

Молодая женщина сидела между ними, нарядная и красивая. Франкон видел, как сияют глаза Ролло, когда тот обращает взор на жену. Она очень изменилась, повзрослела за последнее время. Сейчас, когда волосы ее были высоко зачесаны и уложены короной, удерживаемые обручем с невысокими зубчиками, Эмма выглядела, как настоящая королева.

Поклонник всего прекрасного, епископ не мог не воздать ей должное и отмечал у этой девочки врожденный вкус, умение выбирать одежду и украшения. Сейчас на ней было широкое одеяние цвета топленого молока с вышитыми по подолу и на рукавах узорами в виде дубовых листьев, фактурой напоминающие тонкую резьбу по дереву. Длинные ажурные серьги изящно покачивались при повороте головы, отбрасывая легкие лучики на щеки и длинную шею молодой женщины. Она выглядела прекрасной и цветущей, беременность отнюдь не портила ее, а уже выступавший под складками платья живот только умилял и придавал ее девичьему облику нечто трогательное.

Неожиданно стукнула дверь, вошел стражник, сообщив Ролло, что прибыл его посланник. Ролло поднялся, вмиг превратившись из расслабленного, лениво-сытого зверя в напряженного, увлеченного охотой опасного хищника. Вышел, даже не попрощавшись, а Эмма с тревогой поглядела ему вслед. Она уже знала, что следует за такими поздними визитами и такими новостями. Ролло теперь или придет к ней поздно ночью, либо может не прийти совсем, и она лишь услышит дробный топот копыт под окнами. Она уже привыкла к его отлучкам.

Эмма любила Ролло как мужчину и мужа, но испытывала и огромное уважение к его мудрости и силе правителя. Во власти он был упрям, безжалостен, неуступчив, решителен и настойчив. Он был милостив к тем, кого признал и возвысил, но его гнев заставлял трепетать любого, кто выходил из повиновения. Казни не были редкостью в Руане, а Ролло порой приходил к Эмме в опочивальню весь пропахший запахом пыточной, и она брыкалась и ругалась, не желая принимать его. Порой, когда он устало засыпал, едва его голова касалась подушки, Эмма разглядывала мужа. Во сне черты его разглаживались, становились безмятежными, спокойными. Порой же он хмурился во сне, и лицо его обезображивалось жестоким, почти звериным оскалом.

– Жги! – выкрикивал он во сне, и Эмма вздрагивала, отшатывалась. Тогда она ласково проводила рукой по его лицу, словно стирая оскал зла, и Ролло успокаивался.

– Эмма... – негромко бормотал он, и властным, бессознательным жестом притягивал ее к себе.

Эмма вспоминала эти мгновения и мягко улыбнулась. Она понимала, какой человек ее муж, поэтому, хотя порой и вела себя дерзко и неуступчиво, но в душе хотела облегчить его жизнь, привести в нее радость. И пока у нее получалось.

Франкон же надеялся, что эта девушка может поспособствовать тому, чтоб удерживать Роллона подле себя. Кажется этого должна была хотеть и сама Эмма, однако став его женой, она все больше склонялась к тому, чтобы не вмешиваться в те его дела, которые касались отношений Ролло с соседними правителями. И Франкон понимал почему так: Эмму задело холодное равнодушие, с каким ее вельможная родня отнеслась к ее браку с правителем Нормандии. Они до сих пор даже не желали признавать свое родство с Эммой и в их владениях ее не именовали иначе, как нормандской шлюхой.

Франкон поднялся из-за стола и прошелся по покою, окидывая его взглядом ценителя красоты. Эта девушка, безусловно, выбрала самые благоустроенные строения старого Руанского дворца. Окна ее комнат выходили в тихий садик клуатра, где цвели примулы и ноготки и слышалось тихое журчание недавно починенного фонтана. Окна были двойными, образуя полукруглые ниши, разделенные, по романской традиции, посередине витой колонной. Над головой выгнутые арки складывались веерным сводом, а сочленения их были украшены ярким орнаментом. Дощатые полы покоев были тщательно выскоблены, бронзовые светильники умело расставлены, возле резных кресел лежали меховые коврики. Вся мебель украшена резьбой, будто оплетена тонким кружевом.

Взгляд Франкона остановился на нише в углу, где возвышался аналой из дорогих пород черного дерева, называемого эбеновым, над которым висело старинное распятие из потемневшего серебра. И одновременно с этим неперенным атрибутом покоев христианки внимание епископа привлекли богатые языческие ковры, какими Эмма увесила стены своих апартаментов. Длинные, с цветной каймой, они украшали белые стены, и сейчас, при свете множества свечей, казалось, что фигуры воинов на них словно бы двигались. Воины были с выступающими бородами, круглыми щитами, ехали верхом и шли куда-то рядами – типичные викинги. А меж ними яркими красками выделялись языческие боги: крылатые девы-валькирии с мечами; Тор, вкладывающий руку в пасть волка; вороны Одина и, наконец, сам одноглазый владыка скандинавского Асгарда¹² на восьминогом коне.

Франкону стало не по себе, оттого, что жилище его духовной дочери украшают подобные языческие изображения. Он вернулся к Эмме.

– Итак, дитя мое, как ты относишься к завоевательным планам своего супруга?

Эмма коротко вздохнула, отрываясь от своих мыслей. Глядя на епископа, пожала плечами.

– Думаю, ваше преподобие, вопрос чисто риторический. Я сама была когда-то жертвой такого набега и не могу вспоминать о нем без содрогания. Однако вы понимаете, что Ролло вряд ли прислушается к моим словам, даже если я брошусь ему в ноги и начну молить, чтобы он остановился на достигнутом и повесил на стену меч.

Франкон плохо представлял, как эта горделивая красавица будет валяться в ногах Ролло.

– Дитя мое, ты не должна воспринимать все, что я тебе говорю, как глас трубы, зовущей к бою. Однако не забывай, девочка, что умная жена всегда найдет способ влиять на мужа, разыщет тропинку к сердцу избранника и добьется своего. И не в Совете воинов, где ее слабый голос никто не услышит, а там...

И Франкон указал перстом в сторону дубовой лестницы, ведущей наверх, в опочивальню.

Эмма смущенно опустила ресницы, поджала губы, скрывая невольную улыбку. Что мог знать о любви этот толстый одинокий старик, посвятивший себя Церкви и религии?!

¹² Асгард – небесный чертог, в котором обитают боги скандинавов.

– Я смирился с вашим языческим браком, – монотонным голосом спокойно продолжал Франкон, искоса поглядывая на тканое изображение Тора на ковре. – Но я знаю, как многого ты можешь добиться, Птичка. Ведь ты убрала со своего пути Снэфрид, женила на себе Ролло, ты поднялась от положения рабыни до законной правительницы. Теперь же, чтобы как-то оправдать греховность вашего союза, ты должна влиять на супруга, дабы он думал о мире и союзе с франками, а не о новом походе.

– Кажется, вы несколько преувеличиваете мои силы, преподобный отче. А что касается набегов Ролло на христиан... Безусловно, я сделаю все, что в моих скромных силах, однако учтут ли это правители франков, которые и по сей день стыдятся открыто объявить меня своей родственницей?

Последнюю фразу Эмма произнесла с нескрываемым раздражением.

Епископ стоял у большого камина с выступающим навесом вытяжки, огонь в котором был разведен не столько для тепла, сколько для освещения и аромата – от дров пахло ароматом яблоневого дерева. И когда Франкон повернулся спиной к пламени, лицо его оставалось в тени.

– Тебе не все известно, дитя мое. При христианских дворах часто говорят о тебе. Но учти, ты заняла место, какое Карл Простоватый прочил для своей дочери Гизелы. Ты же, хоть и его племянница, но все же дочь короля Эда из Робертинов, а меж Робертинами и Каролингами всегда существует скрытое, но сильное противостояние. Тем не менее, они готовы были бы признать тебя, если бы вы с Ролло обвенчались у церкви.

Эмма нетерпеливо и раздраженно передернула плечами.

– Ролло пойдет на это, когда родится наша дочь...

– А если будет сын?

Эмма тряхнула головой. От качнувшихся серег брызнули яркие искры.

– Будет девчонка. По всем приметам. Даже повитухи сказали.

Эмма весело хихикнула, на щеках заиграли шаловливые ямочки. Франкон, скрывая нетерпение, отсчитал несколько зерен на четках.

– Человеку свойственно предполагать, но располагает только Господь. Однако кто бы ни родился у вас с Роллоном, он должен быть окрещен по христианским обычаям. Хочет этого твой муж или нет!

– Я надеюсь, что так и будет, – неуверенно начала Эмма, но умолкла. Ролло не раз повторял ей, что если у него родится сын, он станет воином Одина.

– Вот, что нам надо обсудить, дитя мое. Когда подоспеет твое время, Роллон не должен знать об этом. Об этом первым должен узнать я. И тогда мы сделаем все, чтобы ребенок был окрещен. Роллону придется признать это уже как свершившийся факт.

Эмма смотрела на епископа в волнении, при этом положив тонкую ладонь на свой округлившийся живот.

– Это может разгневать конунга. Он не признает Христа. Даже его дети от франкских наложниц не крещены и носят языческие северные имена.

– Тем больший вес будет иметь твой ребенок, Эмма. А гнев Ролло... Люди боятся его, но не ты. И неужели тебя менее страшит возможность погубить душу вашего малыша, отдав его демонам северян? – И епископ указал в сторону Тора на ковре.

Эмма проследила за его жестом, но Франкон не дал ей опомниться и что-либо произнести.

– И тогда если Нормандия будет иметь наследника-христианина, ты сразу вырастешь в глазах своих соплеменников. Они признают тебя, и, кто знает, не предотвратит ли это начало новых набегов. А иначе... Вряд ли Ролло тебе это рассказывал, однако известно, что он ведет переговоры с норманнами с Луары. Среди которых, между прочим, есть и твои враги – Рагнар Датчанин и Снэфрид Лебязьебелая.

Эмма вздрогнула. Даже сама мысль, что Ролло вновь встретится с прежней женой, приводила ее в неопиcуемый ужас. К тому же Эмма все еще ревновала к ней Ролло. И когда Франкон снял со стены распятое, она поклялась: да, она сделает все, что от нее потребуется, чтобы ее дитя было крещено в купели, она скроет от Ролло срок родов, она сразу же пошлет за Франконом, когда ощутит, что ее время пришло.

Той ночью Эмма долго не могла уснуть в своей широкой постели. Ролло отбыл по делам, он нередко не ставил ее в известность о своих планах, как и никогда не разговаривал с юной женой о ее предшественнице. И только от Франкона Эмма сегодня узнала, что Лебязьебелая вместе со своим любовником Рагнаром возглавляет отряды викингов в землях Луары. Епископ даже поведал, что воинственную женщину видели после набега на Тур, где она гарцевала на коне среди руин города, и драгоценностей на ней было больше, чем на женщинах Каролингов. Для Эммы это означало одно: финская колдунья все еще в силе, у нее есть войска и золото, а значит она в случае воинственного союза северян, будет иметь вес в глазах Ролло.

Заснув лишь под утро, Эмма проспала дольше обычного. А проснувшись, ударила молотком в посеребренный диск возле изголовья своей кровати.

По этому призыву госпожи немедленно являлись придворные дамы и служанки, рабы вносили обитую медью лохань с теплой водой. Нежась в приправленной душистыми травами лохани, Эмма выслушивала последние городские сплетни, дворцовые слухи, узнавала новости.

Ролло еще не вернулся; сварливая Виберга, беременная от брата Ролло, не встает из-за плохого самочувствия; в дальнем флигеле опять видели призрак, и служанки отказываются туда заходить. Эмма вздыхала. Ей давно следовало заняться ремонтом дальних построек, и тогда будет меньше нежилых помещений, где дворне мерещатся невесть что.

Приходила подруга Эммы Сезинанда, еще больше располневшая после вторых родов, но румяная и живая, очаровательная. С ней Эмма болтала, спрашивала о здоровье детей, делились маленькими тайнами.

Служанки тем временем заплетали ей волосы. В это утро госпожа велела заплести волосы в косы от висков, а сзади, на уровне лопаток, сплести в одну. Косы украсили кораллами. Их цвет не шел рыжим волосам Эммы, однако женщинам в положении полагалось носить коралл, так как он обладал свойством облегчать беременность. Хотя Эмма и так переносила свое положение на редкость легко.

– Клянусь былой невинностью, у тебя непременно будет дочь, – уверенно говорила Сезинанда, умудренная опытом двойного материнства. – Я вон на последних месяцах вся пятнами пошла, а ворчунья Виберга совсем измаялась от изжоги. Вот у нее непременно будет сын. Эти будущие воины нещадно грызут нас изнутри.

Принесли завтрак – ломти белого хлеба, масло, мед, молоко. По одному начали впускать ожидавших у дверей торговцев. Эмма ела и одновременно разглядывала предлагаемый товар – ткани, перчатки, броши, амулеты, пряжки для сандалий и поясов. Она все еще не могла пресытиться выбором товаров и возможностью покупать не торгуясь.

Одна из брошей – извивающийся дракон из перегородчатой эмали с бирюзой – вызвала у нее особое восхищение, и она тут же скрепила ею складки одежды на плече. На лавке у стены наигрывал на лире мальчик-паж Осмунд. Он был сиротой, отпрыском знатной норманнской семьи, и Эмма искренне привязалась к нему. Осмунд был очень красив, просто-таки золото-волосый купидон, словно сошедший с мозаичного панно, и к тому же обладал прекрасным голосом и слухом.

Эмма снова справилась о муже. Нет, он еще не вернулся. Эмма вздыхала, ополаскивая пальцы в чаше с водой и в окружении свиты отправлялась осматривать хозяйство.

Эти ежедневные обходы Эмма ввела в обязанность и осуществляла их лично. Заглянула в коровник, в новую сыроварню, отведала свежего творожного сыра. Прошла по ткацким, пря-

дильням, заглянула в кухню. Ее неумная энергия не давала ей бездельничать. Кликнув майордома и свою свиту, она начала обход дворца: посещала сводчатые анфилады из красного кирпича, внутренние дворики с увитыми ползучими растениями колоннами, деревянные флигели, где жили со своими семьями дружинники Ролло.

Часто в помещениях, куда заглядывала Эмма, толпились рабочие: красили, чистили, стучали молотками. Жена конунга самолично следила за перестройкой дворца. Некоторые покои были в неплохом состоянии – мозаичные полы, дубовые галереи, винтовые лестницы, опоясывавшие мощные колонны. Но некоторые помещения совсем никуда не годились – краска на оштукатуренных стенах шелушилась, толстые колонны-подпорки были покрыты пятнами от сырости и плесени, в некоторых арочных сводах от протечек отвалился гипс, обнажив войлок и дранку. Эмма оглядывала все взглядом полководца, изучающего предстоящее поле боя. Ее распоряжения были сродни приказам – ясные, четкие, продуманные. Возражений она не принимала.

Послеобеденные часы Эмма посвящала вышиванию. Много шила для ребенка – чепчики, свивальники, пеленки. Она думала о нем, еще не родившемся, с нежностью и волнением. Ребенок шевелился в ней, рос, и это наполняло будущую мать радостью и страхом. Эмма знала, что роды – это испытание, которое уносит немало женских жизней. А ей еще предстояло таить свои роды от Ролло, который так ждет появления на свет этого дитя.

Игравший на лире в углу Осмунд вдруг прекратил свою игру, насторожился. Девушки, сидевшие за ткацкими станками, тоже замерли. Откуда-то долетал шум, хлопанье дверей, звуки рогов.

Эмма вмиг оживилась. Вернулся Ролло. Только его появление, подобно урагану, могло привести в волнение сонную тишину дворца.

Когда Эмма увидела Ролло, она сразу поняла, что муж не в духе. Он стремительно шел через зал в окружении своих норманнских ярлов, мрачный, хмурый, левая рука на эфесе меча. Резко приказал подать еды и оставить его в покое. Он расположился со своими приближенными норманнами за стоявшим на возвышении столом в торце залы. Испуганные слуги торопливо подносили блюда и спешили ретироваться.

Эмма присела в стороне у погасшего камина. Зал был огромен и разделен на отсеки рядами высоких колонн. Здесь проходили пиры, застолья и советы. Было полутемно, так как свет проникал сюда лишь через небольшие окна в торцах помещения, и поэтому возле стола зажгли еще несколько светильников на треногах. В их красноватых отблесках сидевшие за столом норманны представляли живописное и грозное зрелище. Они о чем-то негромко говорили, поглощая пищу, лица их были угрюмы. Один раз Эмма уловила имя Торлауга – молодого и способного воина, которого конунг особо отличал. Эмма тоже симпатизировала ему, хотя и знала, что тот относится к ней холодно, даже сухо. Торлауг очень любил брата Ролло Атли и считал, что Эмма предала его, не ответив на его чувство, предпочтя ему своего Ролло.

Эмма окинула взглядом сотрапезников Ролло. Это были его ближайшие сподвижники, вожди, которых он особо выделял. Так же к ним должна была относиться и Эмма, однако ее отношения с каждым из них складывались по-разному.

Курносый и белобрысый балагур Эгиль нравился Эмме, он был добродушен и искренне радовался, что у Ролло теперь есть жена, пусть и христианка, но способная дать конунгу потомство. Другое дело – Лодин Волчий Оскал. Высокий, худой, с узким лицом и жесткими холодными глазами, хмуро глядевшими из-под седеющих бровей. У него были обломаны верхние зубы, и когда он улыбался, обнажая желтые клыки, это была типично волчья морда, лобастая, серая, сужающаяся к подбородку. Люди боялись Лодина, а Ролло очень уважал и прислушивался к нему, считая, что никто так не разбирается в тактике сражений, как этот клыкастый викинг. Эмма же сторонилась его, ибо при одном взгляде на ярла в ее памяти всплывали все ужасы набега. Этот человек словно олицетворял собой войну.

Был еще Оттар – самый живописный из собрания за столом, абсолютно лысый, с красным одутловатым лицом и свисавшими едва не до груди усами. Его гигантские бицепсы на обнаженных до плеч руках так вздувались, словно желали разорвать обшитые бляхами наручи и надлоктевые браслеты. Говорили, что в бою на Оттара нисходит священный пыл, что он выходит из себя, на губах его появляется пена, он грызет свой щит и в горячке сечи может убить и покалечить невероятное число врагов.

Ролло по-своему любил Оттара, как и Лодина, и Эгиля. Все они в свое время бежали из Норвегии, возвысились при Ролло и были ему беззаветно преданы. Чего нельзя было сказать о сидевшем подле Ролло Гауке. Этот викинг сам некогда прибыл в Нормандию и завоевал для себя богатые области Гурне и Брей. Он не сразу признал власть Ролло, и они долго воевали. Гаук одевался, как франки, даже обрезал волосы по франкской моде. Теперь он ходил с короткой завитой на лбу челкой светлого пшеничного цвета. Он был красив: тонкие черты, светлая, какая-то даже слишком нежная для мужчины-воина кожа лица и пристальный взгляд ярко-голубых эмалевых глаз. И все же красота этого человека была настолько холодной, что невольно вызывала оторопь. Гаук невзлюбил Эмму с первых же дней, ибо, как она узнала, считал, что Ролло должен был выбрать в жены свою соотечественницу, и даже одно время прочил ему в жены свою высокородную сестру.

Сейчас Гаук что-то холодно говорил Ролло, и Эмма опять разобрала имя Торлауга. Ролло бросил подбежавшей собаке кость. Слов Эмма не могла разобрать, ибо хотя в одном конце залы происходил совет Ролло, в другом шла обычная дворцовая жизнь, ходили служанки с ведрами воды, дворцовые рабы разносили хворост, проходили воины, играли дети.

Похоже полученные известия не слишком Ролло радовали, он был молчалив и глядел отрешенным взглядом. Лишь вечером, когда Эмма взяла лиру и стала петь, глаза его немного смягчились. Пение жены всегда действовало на него умиротворяющее.

Желая потешить мужа, Эмма пела для него старую скандинавскую балладу на родном языке Ролло:

*Восемь братьев Дидрик¹³ имел,
Богатой Вероной правил,
И каждый по дюжине сыновей
У трона его поставил.*

На треногах ярко пылали огни, отбрасывая красноватые отблески на темный мрамор колонн вдоль зала. Дым темным облаком поднимался к сводам потолка. Викинги и их женщины чинно восседали за длинными столами, слушая пение супруги правителя. У нее был удивительный по силе и красоте голос, а легкий франкский акцент в ее скандинавском выговоре только придавал очарование старинной балладе.

*Двинулось восемь тысяч коней,
Что в Данию с грохотом адским
Везли из Вероны незваных гостей —
Свидеться с Хольгером Датским¹⁴.*

*Король королю посылает гонца,
С противника требуя дани:*

¹³ Дидрик – фольклорное имя Теодориха, короля остготов, завоевавший Италию. Верона одно время была столицей его королевства.

¹⁴ Хольгер Датский – национальный герой датчан.

*«Если откажется Хольгер платить,
Пусть выйдет на поле брани».*

*Откликнулся Видрик Верлансен,
Что слова зря не скажет:
«Кто в землю родную нашу войдет,
Тот в землю сырую и ляжет!»*

Норманны, завоеватели и набежчики, с гордостью слушали о славных деяниях предков, начинали прихлопывать, топтать ногами. У Эммы горели щеки, она видела восхищение в глазах слушателей, упивалась всеобщим вниманием.

*Два войска на черной равнине сошлись
Для богатырской сечи
И скорбным ристалищем стало тогда
Место кровавой сечи.*

*Витязи Хольгера бились три дня,
Исполнены доблестей ратных.
Несметное множество там полегло
Витязей чужестранных.*

Когда Эмма окончила песню, в зале поднялся шум, загремели рукоплескания. И пусть Гаук лишь скупно улыбался, а Лодин Волчий Оскал мрачно уставился в свой кубок, зато берсерк Оттар даже вытирал выступившие на глазах слезы, а шустрый Эгиль вскочил на стол и, размахивая секирой, выкрикивал цветастые кенинги¹⁵ в честь Эммы:

– Ай да рыжекудрая калина злата, липа запястий, земля ожерелий!

Эмма смеялась. Ей было хорошо, она была дома. А главное – вспыхнувшие гордым блеском глаза Ролло, его посветлевшее лицо делали ее счастливой, уверенной в себе женщиной.

В их почивальне, когда Ролло еще в одежде лежал на спине поперек ложа, закинув руки за голову, Эмма осмелилась спросить, чем вызвал неудовольствие конунга такой славный парень, как Торлауг.

При упоминании этого имени Ролло резко и шумно задышал. Сел, принялся разматывать ремни башмаков, оплетавшие его голени. Затем, рывком скинул через голову тунику.

– Недавно он захватил Санлис, – коротко и мрачно ответил он на ее вопрос.

Эмма соображала: город Санлис был во владениях короля Карла Каролинга. И обаятельный Торлауг устроил на него набег, как грабитель викинг. Для жителей тех мест это беда, однако Ролло должен вроде как порадоваться успешному походу своего ярла.

Когда она сказала об этом мужу, он пояснил:

– Войска Карла снова смогли осадить город. Вестей об этом мне не поступало, и я не смог помочь. А потом... Клянусь молотом Тора, от кого угодно я мог бы ожидать такого, но не от Торлауга. Он оказался коварен, как Локи¹⁶ и пошел на переговоры с Карлом. В конце концов они уладили дело, когда Торлаугу пообещали руку единственной дочери графа Санлиса и титул, если он крестится и принесет Каролингу вассальную присягу. Так что теперь Торлауг стал графом с христианским именем Герберт. Часть викингов, принявших с ним крещение, он оставил при себе и дал им земельные наделы. Тех же, кто не отказался от старой веры, отпустил.

¹⁵ Кенинги – иносказательные выражения.

¹⁶ Локи – бог коварства и лжи.

Эмма молчала, не решаясь сознаться Ролло, что, по сути, рада за Торлауга. Стать графом, сеньором, обзавестись семьей, а главное, спасти свою душу... Но Эмма поняла, какого опасного врага отныне приобрел новоиспеченный граф Герберт в лице бывшего покровителя Ролло Нормандского.

Она постаралась отвлечь мужа от тяжелых дум, принявшись рассказывать о том, что предприняла во время его отсутствия в руанском дворце. Ролло сперва не сильно прислушивался, но когда она сообщила, что велела привести соседний флигель под детские покои их ребенка, он заулыбался и повернулся к ней. Его сердце забило сильнее.

Эмма сидела на складном стуле подле ложа и расчесывала волосы. И эти волны ее рыжих волос, на которых отсвечивало пламя, эта сливочно-белая кожа, этот рот, блестящий, как орошенные росой лесные ягоды... Тонкая рубашка сползла с ее плеча, нежный изгиб шеи отливал розоватым от отблесков огня. Конунг видел, как вздымается ее увеличившаяся грудь, с темнеющими сквозь ткань набухшими сосками. И располневший живот на фоне все той же плавной линии длинных бедер в складках легкой белой ткани до пола... Ролло стало казаться, что все его неприятности отходят на задний план, когда его дома ждет такое существо. Его рыженькая красавица, его жена. И у них будет ребенок. Его ребенок... Ее ребенок.

А Эмма вдруг смутилась под лаской его взгляда, не сознавая, что стыдливость только красит ее. Вспыхнула, отвернулась, стала беспорядочно перекладывать гребешки на полке. А он подошел и, сжав ее волосы в руке, повернул лицо жены к серебряному диску зеркала.

– Что ты видишь, Эмма?

Она видела лишь, как он склоняется к ней, как его длинные волосы спадают ему на лицо. Потом он припал жарким поцелуем к ее плечу. И она замерла, оглушенная стуком собственного сердца, плененная кольцом обвивших ее рук.

Ролло с улыбкой наблюдал, как на поверхности зеркала меняется выражение ее лица. Вдохнул аромат ее волос.

– Ты так прекрасна... И ты нужна мне, как воздух, как глоток воды в день зноя. Наверное я был очарован тобой еще до того, как понял, что ты уже взяла мое сердце в свои маленькие ручки.

Ролло и не подозревал, что может говорить такие нежные слова – он никогда не был скальдом. И сейчас он шептал это ей так тихо, словно опасался, что сама ночь подслушает его...

Но спустя время они опять стали спорить. На этот раз, как назовут свою дочь. Ролло говорил, что даст ей имя Герлок. Эмма же настаивала на франкском имени Адель.

Но первой родила дочь Виберга. Схватки у нее продолжались долго – около двух суток, пока на свет не появилась дочь Атли, племянница Ролло, на удивление маленькая. Иссиня-красная и худая, прямо кожа да кости. И хотя ребенок был спрыснут водой¹⁷ и сам Ролло назвал ее в честь своей матери – Хильдис, но Эмма говорила:

– Ребенка надо крестить. Ты берешь грех на душу, Ролло, отказывая ей в купели.

Ролло же только смеялся, притягивал Эмму к себе, целовал в макушку, так что ей становилось щекотно.

Но уж через несколько дней во дворце были притушены огни, и Ролло, хмурый, одиноко сидел на цоколе колонны в большом зале, не желая ни с кем разговаривать. Ребенок Атли умер, не прожив и недели, и Ролло переживал это даже сильнее, чем сама мать – Виберга, которая, казалось, теперь только и думала о том, что ее ушлют из дворца, а то и опять наденут ошейник рабыни. Она ходила за Эммой по пятам, плакала и молила не выгонять ее, ибо прекрасно понимала, что теперь потеряла преимущества своего положения родственницы правителя. Эмма, в конце концов сдавшись на ее уговоры и слезы, пообещала, что поговорит с епископом Франко-

¹⁷ Обычай викингов спрыскивать водой детей при наречении имени существовал и до христианства.

ном, чтобы он устроил Вибергу при недавно основанном монастыре Святой Катерины на горе, где ранее было жилище Снэфрид. Ибо не могло быть и речи, чтобы такую вздорную особу, как Виберга, кто-то захотел взять в жены.

Оставив Ролло, которого ее утешения только раздражали, Эмма отправилась поговорить о Виберге с Франконом.

– Теперь ты видишь, что я не зря просил тебя крестить твоего ребенка до того, как его отец-язычник узнает о его рождении, – заметил Эмме епископ. – Ибо великий грех лежит на Ру Нормандском, что он не позволил встретиться в раю душам Атли и его дитяти.

У Эммы мороз пробежал по коже от этих слов. Франкон, как всегда, оказывался прав. И она покорно сидела в его покое, почти машинально наблюдая, как молчаливый Гунхард зажигал свечи высоких кованых канделябров. Гунхард согласно кивал на слова Франкона, задувая огонек на тонкой лучине.

– Весь христианский мир следит за тобой, Эмма из Байе, – присоединял он свой голос к словам епископа. – Кто знает, если дитя твое будет крещеным, может, христианам и удастся избежать новой войны. Ведь у них появится надежда, что этот край будет иметь крещеного правителя.

Эмма отмалчивалась. Они говорили о мире, а она знала, что Ролло созывает своих соплеменников с севера в капище за Руаном, где приносились богатые жертвы богу войны.

Она возвращалась к себе во дворец, и обычные хлопоты заставляли забыть о грядущих событиях, на которые она не могла повлиять, чего бы не ждали от нее святые отцы. А ночью к ней приходил Ролло, и тогда уже ничто не имело значения. Они предавались любви, ссорились, мирились, искали утешения друг в друге. Но порой Ролло говорил не столько Эмме, сколько самому себе:

– Скоро придет мое время, я выполню то, что было мне предсказано в священной Упсале. Я покорю этот край, стану великим королем. А ты... Ты станешь его правительницей и королевой.

У Эммы перехватывало дыхание. Она – девчонка из лесного аббатства в глуши луарских лесов... станет королевой всех франков. О, тогда бы она могла ответить своим вельможным родственникам за все пренебрежение к ней. Мысль о короне ослепляла, вызывала головную боль... но не думать о ней Эмма уже не могла.

Настал ясный погожий сентябрь. Обильный урожай был почти собран, поля убраны, закрома наполнены. Жители Нормандии – норманны, франки, бретоны – с гордостью говорили о своих богатствах. У них-де самые тучные луга, самые рыбные реки, самое жирное молоко, самые сильные кони и рогатый скот. Теперь и местные жители стали, по примеру северян, готовить пищу на сливочном масле вместо растительного, а свой нормандский напиток – яблочный сидр – они превозносили даже выше франкских вин.

Однако несмотря на внутреннее благополучие в Нормандии, казалось сам воздух здесь был наполнен разговорами о войне.

Франкон говорил свое духовной дочери:

– На тебе лежит великая миссия, дитя, и все христиане во Франкии ждут, что ты предпримешь. Пыталась ли ты отговорить Ролло от сговора с викингами других земель во Франкии?

– И не единожды, святой отец. Но есть темы, в которые муж не желает меня посвящать. Мы можем спорить с ним и ссориться, но его решение всегда остается в силе.

Епископ устало вздыхал. Отводил глаза.

– Скоро твой срок, Эмма. И если дитя будет окрещено... Что ж, тогда и Каролинг и Робертин, надеюсь, вынуждены будут признать ваш с Ролло союз законным и начнут переговоры. Этот крещеный наследник... или наследница, может и расстроить союз Ролло с его собратьями-язычниками.

Епископу самому очень хотелось верить в это. И он старался убедить и Эмму.

Приближалось время ее разрешения от бремени. Ролло теперь относился к жене с особым вниманием. К ней был приставлен целый штат повитух, в покоях появилась детская люлька с резьбой, инкрустированная перламутром, с позолоченными полозьями. Ролло подолгу задумчиво глядел на нее. Эмма подходила к нему, и он вдруг сильно притягивал ее к себе.

– О, великие боги! Только бы с тобой ничего не случилось! Только бы ты и младенец прошли это испытание. Иначе... Нет, я не хочу даже думать об этом.

Эмма почти материнским жестом взлохмачивала ему волосы. «Как я смогу обмануть его? Как пойду против его воли, рискуя собой, ребенком, нашим счастьем?»

Однажды по Сене подошли драккары викингов с Луары. Эмма видела, как Ролло радостно смеялся, приветствуя огромного варвара с раздвоенной бородой и франкскими косицами за плечами.

Муж Сизенанды, ярл Берnard, пояснил Эмме, что это Глум, или, как его прозвали франки, Геллон. Он был одним из тех, кто когда-то бежал вместе с Ролло из Норвегии. Но меж ними произошла ссора, и Геллон ушел на Луару. Теперь он там один из первых вождей, и Ролло, в связи с готовящимся походом на франков примирился с ним.

Эмма глядела на Ролло, когда тот, смеясь, похлопывал Геллона по плечу, и сказала Бернаруду:

– А я столько раз слышала, что Ру не прощает предательства.

Бернард усмехнулся.

– Тебе пора лучше знать своего мужа, Птичка. Неужели ты еще не поняла, что ради своих целей, ради своей власти, Рольв может пойти на все. Даже на союз с врагом.

В верности этих слов Эмма убедилась в тот же день. Она сидела за столом подле Геллона, наблюдала, как весел и дружелюбен с ним Ролло. Геллон также не оставался в долгу. Они смеялись, вспоминая, как когда-то совершили набег в королевство Нортумбрию на острове Англов. Не самый удачный был набег, ибо им пришлось столкнуться саксонскими танами, и, хоть они захватили богатую добычу, но потеряли много людей, и пришлось отступить с боем.

У Геллона сияли глаза, рассказывал он отлично, как скальд. Ролло заслушался, словно и не был сам участником тех событий, а слушал старинную сагу о героях.

– Наши корабли стояли у скалистого берега, – повествовал в тишине Геллон. – Мы же укрепились на выступающем над морем утесе, и хотя мы видели сверху свои драккары, но на нас наседали саксы, и мы не могли спуститься вниз, разве что на крыльях, как чайки. Вот тогда Ролло показал, что он великий предводитель. У нас было много скота, угнанного в набеге, и Ролло велел забить его и соорудить из ободранных туш вал, скользкий и кровавый, по которому противники так не смогли добраться до нас. Много мяса осталось тогда на берегу, но все мы спустились на веревках к побережью, и никто из нас не попал в рабство.

Геллон поднес к губам рог, чтобы промочить горло, но так и застыл, глядя на Эмму. Ее глаза сияли ярче сверкающих подвесков на обруче, полуоткрытые губы манили, как мякоть свежего плода.

– Так вот какова ты, рыжая христианка со странным прозвищем Птичка, – восхитился он. – Немудрено, что ты смогла превзойти даже такую соперницу, как Лебязьебелая Снэфрид.

У Эммы одно упоминание о прежней жене Ролло вызвало дрожь.

– Что тебе ведомо о Лебязьебелой, Геллон?

– Много чего. Она – прекрасный воин, но люди боятся ее. Даже Рено Луарский, с которым она живет, испытывает что-то похожее на страх перед этой женщиной.

– Рено Луарский?

– Да. В Нормандии он звался Рагнаром. Но после того, как его крестили в Туре, мы называем его по-франкски Рено. Правда, добавляем еще прозвище Жженный, ибо всю правую половину лица его покрывают шрамы от ожога.

И он стал рассказывать, как Рагнар-Рено захватил аббатство Флери и сделал в нем свою резиденцию. Но однажды, как рассказывают монахи, к нему явился ночью сам святой Бенуа. Он был разгневан оргиями, какие Рено устраивал в монастыре, и ударил язычника по щеке. С тех пор на лице Рено осталась эта отметина, как от ожога.

Эмма рассмеялась. Она могла бы рассказать этому Геллону, как на лице Рено-Рагнара появился ожог. Но слова застыли у нее на губах, когда луарский ярл добавил, что скоро Рено лично прибудет к Ролло, и она увидит след от огненной десницы у него на щеке.

Эмма резко повернулась к мужу. Он не глядел на нее, и только молча втыкал в столешницу кинжал.

– Скажи, что это неправда, Ру.

Он лишь пожал плечами.

– Рагнар стал великим ярлом. И он согласен присоединиться к моему походу на франков.

Эмма вдруг ощутила, как все ее тело напряглось.

– Но ведь с ним придет и Снэфрид.

Ролло опять пожал плечами.

– И такое возможно.

Эмма резко встала.

– Ты не сделаешь этого, Ру! Рагнар всегда был предателем, а Снэфрид... Клянусь царицей небесной, я возненавижу тебя, если ты пойдешь на союз с моими врагами.

Ролло резко вогнал лезвие кинжала в стол, сжал его рукоять.

– Я уже послал к нему людей. И не тебе приказывать мне, что делать.

Он говорил жестко. Его глаза потемнели от гнева. Эмма видела это, но ей уже было все равно. Она даже не придавала значения насмешливому интересу, с каким наблюдал за ними Геллон.

– Рагнар всегда был врагом. И ты просто глупец, что вновь вкладываешь руку в пасть этого волка. Хотя, может, ты просто истосковался по своей Лебязьбелой? Но, видит Бог, если ты не отменишь решения... Ничто не удержит меня в Нормандии.

Геллон вдруг расхохотался, забавляясь ситуацией. Ролло же медленно встал, взял Эмму за руку. Она рванулась, но он крепко держал ее запястье. На лице его было то выражение, какое заставляло называть его грозным Ру из Нормандии, а его пожатие само по себе было предупреждением: «Я могу сломать тебе руку, если ты не утихомиришься».

И Эмма вдруг испугалась. Ролло вывел ее из зала. По пути он даже улыбался ей, но его глаза, когда он оглядывался на нее, были темнее ночи.

– Ты рыжая бестия!

Они были одни в пустом сводчатом переходе, и Ролло с силой прижал ее к стене. Она слабо охнула, ощутив резкую боль в пояснице, но Ролло не обратил на это внимание.

– Запомни, Птичка, что я скорее сам выгоню тебя вон, чем позволю делать из меня посмешище. Ты всего лишь моя жена, и если ты еще хоть раз... Клянусь священной кровью Одина – порой я готов пожалеть, что променял на тебя Снэфрид.

Она вздрогнула, как от удара хлыстом. Сердце ее заняло столь сильно, что она даже не придавала значения повторной боли в спине и внизу живота. Стояла, дрожа, и испуг в ее глазах был равен гневу.

Ролло наконец отпустил ее, вышел. Она стояла одна, глядя на отблески огня на тяжелой кладке свода. Он пожалел о Снэфрид... Она всегда боялась, что рано или поздно такое может случиться. Где-то в глубине души Эмма понимала, что сама спровоцировала Ролло, что должна первой пойти на примирение. Но ее упрямая гордость все же брала верх над разумом.

Ролло идет на союз с ее заклятыми врагами – мужчиной, который издевался над ней, и женщиной, которая хотела ее убить... И он не понимает ее гнева, он унизил ее при всех, был груб и...

Она охнула, склонившись почти пополам от новой резкой боли, и поняла, что ее время пришло.

Первой ее мыслью было кинуться за Ролло, но она сдержалась. Вспомнила свою клятву Франкону и испытывала мстительное чувство. Она ничего не сообщит Ролло. Она крестит своего ребенка, и Ролло вынужден будет это принять. Это будет ее ответ на нанесенное сегодня оскорбление.

На лестнице раздались перезвоны струн. Появился паж Осмунд с лирой. Замер, увидев скорчившуюся у стены Эмму.

– Госпожа...

Она заставила себя выпрямиться. Сказала как можно спокойнее:

– Вели приготовить носилки, Осмунд. Я отправляюсь во дворец преподобного Франкона на острове.

Носилки плавно покачивались на плечах сильных рабов. Сквозь задернутые занавески долетали звуки города: гомон голосов, плеск реки, цокот подков. Эмма полулежала в носилках и кусала до крови губы от приступов резкой боли. Порой даже стонала и с силой сжимала руку перепуганного Осмунда. Мальчик уже догадывался, в чем дело.

– Госпожа, мы должны оповестить конунга. Вам не следовало сейчас уезжать.

Она только отрицательно замотала головой и с такой силой сжала руку мальчика, что он вскрикнул.

– Нет, Осмунд, нет, – зашептала она, когда боль на минуту отпустила. – Ты доставишь меня к епископу Франкону, а затем отправишься за Сезинандой. Но больше не смей говорить никому ни слова. Я приказываю – никому!

Она так спокойно вышла из носилок и поднялась на крыльцо покоев епископа, что никто ничего не заподозрил. Франкон встал от стола, где он трапезничал в компании Гунхарда, и взглянул на Эмму, вытирая блестящие жирные губы.

– Рад приветствовать вас, дитя мое...

Он еле успел подхватить ее. Все тотчас понял.

– Гунхард, проследи, чтобы никого не было на переходе в баптистерий¹⁸. И позови повитуху, которую мы поселили во флигеле.

Сезинанда явилась недовольной. Она только покормила ребенка и собиралась ложиться спать, когда явился Осмунд с приказом от Эммы поспешить во дворец епископа. Сезинанде уже поведали о ссоре на пиру между супругами и о том, что рассерженная Эмма покинула дворец. И теперь женщина считала, что вызов Эммы просто является одной из очередных причудей подруги.

Однако когда ее провели в пустой баптистерий и она увидела, как Эмма, словно простая вилланка, мечется на разостланных шкурах, она переменялась в лице.

Возле роженицы уже хлопотала повитуха, прямо за колонной на плитах развели костер, на котором в котле грели воду. Епископ Франкон бродил вокруг бассейна под куполом баптистерия, бормоча молитвы. Приор Гунхард колот коленья на щепы, подбрасывал их в огонь.

У Сезинанды все похолодело внутри. Женщина поняла, они хотят, чтобы рождение наследника Ролло прошло втайне. Поняла и то, чем это грозит в случае, если с Эммой или ребенком что-то случится. И ей вдруг ужасно захотелось вернуться домой, сославшись на то, что необходимо быть со своими детьми. Но вместо этого она стала помогать повитухе раскладывать на ларчике чистое полотно.

– Воды уже отошли?

¹⁸ Баптистерий – расположенное отдельно от других церковное сооружение круглой или восьмиугольной формы. Предназначалось для обряда крещения.

– Только что, – ответила женщина. Она казалась опытной и немногословной. Сезинанде и в голову не приходило, что эти попы так предусмотрительны и заранее подберут повитуху.

У Эммы вновь начались схватки. Она шумно задышала, вцепившись в шкуру. Но не издала ни звука.

– Я здесь, Птичка, – присела в изголовье Эммы Сезинанда, приподняла ее за плечи. – Все будет хорошо. Я помогу тебе.

– Сезинанда... – Эмма перевела дыхание. Добавила, словно извиняясь: – А мы-то с тобой думали – моя дочь родится в конце сентября.

– Ничего страшного, Птичка, – успокаивала ее Сезинанда. – Немного ранее, чем должно, но все будет нормально. У меня вот второй сын раньше срока появился, а вон какой крепыш.

Она говорила это, чтобы отвлечь Эмму и унять свой страх. Чувствовала, как Эмма жжалась, напряглась в ее руках. Кусала губы, задышалась. Сезинанда удивилась ее терпению. Самато она, когда пришло ее время, всполошила криками всю округу.

В полночь Гунхард пошел провести службу в соборе при аббатстве. Монахи удивленно приглядывались, когда он замирал во время чтения Библии, стоял, словно думая о чем-то своем или прислушиваясь. Службу провел кое-как. Прошел мимо запретных темных покоев, где, как всех известили, осталась ночевать Эмма, и, захватив все положенное для крещения, под сенью колоннады скользнул в баптистерий.

Ночь выдалась темная, ветреная. Деревья в саду возле резиденции епископа шумели ветвями и роняли первые умершие листья. Когда ветер стихал, был слышен гомон из дворца Ролло за рекой, где пиршество было в самом разгаре.

У дверей в баптистерий Гунхард застал встревоженного Осмунда.

– Почему так тихо? – заволновался Гунхард, но мальчик лишь трясся да пожимал плечами. Ему уже мерещилось наказание от Ролло. И он то молился, то доставал амулет Тора на ремешке и подносил его к губам, как подносят крест. Если госпожа Эмма умрет... Осмунд знал, что сам стоил жизни матери, и панически боялся тихой возни, что доносилась из дверей баптистерия.

Под утро, когда разразилась гроза, Эмма уже не могла сдерживаться. Франкон стоял над ней с распятием, тихо молился. Эмма порой впадала в забытие, из которого тут же выходила, и глаза ее напряженно и безумно блестели, когда она извивалась в новой схватке.

– Я так устала, – шептала она распухшими губами. Ее лицо, покрытое испариной, блестело в свете костра. – Позовите Ролло, – вдруг стала молить она.

Франкон заломил руки. Ему стало казаться, что она умирает. Повитуха же была спокойна.

– Дитя уже опустилось. Скоро все закончится.

Над их головой раздался оглушительный раскат грома. Франкон в страхе крестился.

Гром разбудил и устало задремавшего у дверей Осмунда. Он вскочил, не сразу поняв, где находится. Над головой нависал полукруглый свод арки, в сереющем сумраке рассвета с небес с грохотом низвергались на каменные ступени потоки воды. И вот сквозь этот шум Осмунд вдруг различил за створками дверей негромкий детский плач. Он даже не сразу поверил в это. Приоткрыл дверь. Увидел блики костра на своде, тени суесящихся фигур и... Да, он не ошибся, жалобно и упорно кричал ребенок.

И тогда Осмунд вдруг пустился в пляс, скакал, крутился, посвистывал. Значит, все закончилось, значит, Ролло не спустит с него шкуру, значит, он снова сможет петь для госпожи Эммы.

Он едва не налетел на вышедшего из дверей Гунхарда. Затараторил, задавая вопросы, совсем забыв о своем страхе перед этим мрачным сухим священником. Да и Гунхард, хоть и выглядел усталым, был на удивление общителен.

– Свершилось. Мальчик. Сын. Здоровенный красный крикун. Епископ тотчас окрестил его, и теперь наследник Нормандии – христианин. Франкон спросил у матери, как его назвать, но она была так слаба и счастлива, что ничего не могла придумать, и сказала, чтобы Франкон сам дал имя мальчику. И теперь у нас есть Гийом, или Вильгельм на старофранкском, крещеный наследник Нормандии.

– А как госпожа Эмма? Все в порядке? Тогда надо оповестить конунга Ролло.

Гунхард словно очнулся.

– Позже, – сказал он, засовывая руки в широкие рукава сутаны. – Сейчас надо устроить Эмму и Гийома Нормандского в подобающем покое. И дать госпоже отдых. Она славно потрудилась, а ведь ей еще предстоит сообщить язычнику, что его дитя уже находится в лоне нашей святой матери Церкви.

Было уже далеко за полдень, когда епископ Франкон в нарядной шелковой ризе с вышитыми на груди и спине крестами, в сверкающей камнями раздвоенной митре, вошел во дворец Ролло, важно опираясь на золоченый посох. Его сопровождала целая свита, и он держался с достоинством, ибо, несмотря, что слухи уже распространялись по его резиденции, Франкон ни единой душой не позволил бы опередить его столь счастливой вестью.

Конечно, епископ понимал, что правитель-язычник, узнав, что его сына окрестили, не сильно будет ликовать по этому поводу. Но, Боже правый, разве само событие не стоит того, чтобы простить и Франкона, и Эмму, и этого замечательного крещеного крикуна! Франкон очень рассчитывал на это. Роллону уже был тридцать один год, и он наконец-то заполучил своего законного наследника.

Во дворце после бурной ночи, развалившись кто где, повсюду спали викинги. Франкон со своей свитой важно прошествовал по переходам, переступая через их тела. Лодин Волчий Оскал грубо выругался, когда завершающий шествие дьячок наступил ему на кисть руки, проснулся и вытаращился на шествующих по проходу священников.

– Клянусь Локи! С чего бы это попам водить здесь хороводы?

У Ролло болела голова с похмелья. Вчера, чтобы забыть ссору с женой, он явно перепил медовухи. Не помнил, как и добрался в опочивальню. Его хватило лишь на то, чтобы скинуть тунику и один сапог. Сердито ударил по подушке, где было место Эммы.

– Ушла-таки. К своим священникам. Ладно, никуда ты не денешься, злая, упрямая девчонка.

Сейчас, утром, он размышлял, как задобрить Эмму. Она была не права, но и ему бы следовало предупредить ее заранее, чтобы весть о союзе с Рагнаром и Снэфридом не застала ее врасплох.

Ролло ударил в медный диск. Явились рабы-прислужники. Один из них все же стащил с полусонного правителя оставшийся сапог. Другой услужливо поднес кружку с холодным сидром.

Когда открылась дверь и перед ним во всем блеске парадного облачения предстал епископ Франкон, окруженный свитой монахов, нотариев, дьячков, у Ролло удивленно поползли вверх брови. Он с любопытством уставился на распевающих псалмы монахов. Стал пить сидр, наблюдая за ними поверх кружки.

– Ну что, моя раскрасавица Эмма опять послала тебя, поп, улаживать наши противоречия? Взяла в обычай – чуть что искать укрытия в резиденции на острове.

У Франкона было сияющее лицо.

– Да будет благословлен этот день, и ты запомнишь его навсегда, Роллон Нормандский. Ибо сегодня, за три дня до празднования Рождества Богородицы¹⁹, супруга твоя, Эмма Робер-

¹⁹ Праздник Рождества Богородицы – 8 сентября.

тинка, графиня Байе, родила на свет Божий дитя мужского пола, нареченного франкским именем Гийом.

Ролло так и не донес до рта кружку, а лишь смотрел на Франкона, который, не останавливаясь, продолжал рассказывать, что дитя родилось под утро, и из-за сильного ливня он не смог сразу послать известие, а позже не мог отказать себе в удовольствии...

Франкон невольно втянул голову в плечи, когда Ролло одним прыжком оказался подле него и тряхнул его за ворот.

– Где они?

Едва получив ответ, он, как был, полуголый и босой, выскочил из опочивальни, во дворе вырвал из рук охранника повод лошади, и понесся, как безумный, в сторону ведущего на остров моста.

В это время Эмма, уже умытая и причесанная, сидела на постели, с нежным любопытством изучая крошечное существо, завернутое в такое длинное покрывало, что его хватило бы и взрослому.

– Гийом, – говорила она, любуясь этим крохотным носиком, зажмуренными глазками, толстыми щеками. – Гийом... мой мальчик! О, Сезинанда, как он прекрасен! Я никогда не думала, что рожу столь восхитительного сына.

О желании иметь дочь было тотчас забыто.

– Все младенцы, как ангелы, – ответила Сезинанда, прекрасно понимая, что сейчас чувствует подруга, ибо сама родила только три месяца назад. Но Сезинанда была весьма практична, поэтому уже видела себя кормилицей наследника Нормандии и сразу заявила, что пока Эмма отдыхала, она уже покормила дитя.

– Благодарю! – сухо кивнула Эмма. – Но дитя – это только мое, и отныне я сама...

Она так и не успела договорить, как створки двери с грохотом разлетелись, и в комнату ворвался Ролло. Стоял полуголый, с разметавшимися по плечам волосами, запыхавшийся. Он словно не решался подойти к своему ребенку. Только глядел на этот сверток на руках Эммы и тяжело дышал.

Сезинанда увидела, как засияли глаза подруги при виде Ролло, и, улыбаясь, направилась из комнаты, прикрыв за собой дверь. Они остались одни. Втроем.

– Ролло, – тихо произнесла Эмма, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. – Ролло, смотри, это наш маленький принц Нормандский!

Он как-то неуклюже подошел, по-мальчишески вытер руки о штаны, прежде чем взять у Эммы дитя.

– Мой сын... Мой наследник.

Он держал его так бережно и неуклюже, словно никогда еще не брал своих детей на руки. А потом поглядел на Эмму с восхищенным удивлением.

– Птичка!..

Он сел рядом, нежно поцеловал ее в висок. У Эммы потекли слезы. Потом они долго говорили о ребенке, о родах, об имени их наследника. Ролло ничего не имел против того, чтобы его звали франкским именем, ибо он рожден в этих землях. Но когда Эмма, наконец, решилась сказать, что ребенок крещен по христианскому обряду, конунг нахмурился.

– Ты уже не в силах ничего изменить, Ру, – осторожно заметила она.

Ролло сидел не шевелясь. Лицо его застыло. Он не глядел на Эмму, не сводя сурового взгляда с крошечного личика своего сына. Эмма заволновалась.

– Ты ведь не препятствовал, когда твои люди крестились.

Он поднял голову, словно к чему-то прислушиваясь. Эмма была так напряжена, так следила за ним, что не сразу заметила то, что привлекло его внимание. И лишь когда шум усилился, она тоже поглядела в окно. Гудели колокола. Кричали люди, сквозь створки окон

проникал шум, сливавшийся в гул города, приветствовавшего рождение наследника своего правителя.

Теперь Ролло взглянул на нее. Она была бледна.

– Ролло, погляди, как он прекрасен – наш сын, наш долгожданный сын.

– Добилась-таки своего, – буркнул наконец Ролло, но что-то в его интонации уже позволило Эмме перевести дыхание. – Упрямая, рыжая Эмма. Но большего не ожидай. Если мой сын и крещен, то тебе не следует ожидать, что и я и мои люди тут же кинутся к купели.

Пожалуй, Эмма лишь обрадовалась, что он так легко это воспринял.

– Я люблю тебя, Ролло. Тебя и твоего сына.

Она ничего не могла с собой поделать, и ее глаза вновь наполнились слезами. Но когда Ролло положил сверток на кровать и достал из ножен кинжал, она заволновалась. Ролло цыкнул на нее.

– Не мешай мне. Ты уже сотворила свой обряд и должна стерпеть и наш. И мой сын узнает холод стали с первых дней, чтобы не бояться его впоследствии.

Он осторожно прижал лезвие к лобу крошки Гийома. Это разбудило малыша. Он открыл щелки глаз, скорчил гримасу, а потом издал пронзительный громкий крик.

Родители заулыбались.

– Он великолепен! Клянусь браслетами Одина, мой сын Гийом просто великолепен!

И, схватив ребенка, он выскочил из комнаты. Эмма опешила, потом встала и, ругаясь сквозь зубы, стала искать одежду. Так, растрепанная, на ходу поправляя хламиду, она и появилась на крыльце и замерла, оглушенная шумом.

Она и не знала, что двор так полон. Монахи, викинги, рабы, торговцы – столько народу еще никогда не бывало в небольшом дворе при резиденции епископа. Гремели колокола, кричали люди, воины оглушительно стучали оружием о щиты. А Ролло стоял на высоком крыльце, поднимая вверх пищавшего ребенка, по норвежскому обычаю показывая, что признает его своим сыном и наследником.

– Гийом! – кричал он. – Его зовут Гийом!

Казалось, среди такого шума никто бы и не различил этого франкского имени, но уже через несколько минут вся толпа громко скандировала имя наследника Нормандии.

– Осторожнее! – волновалась Эмма. – Ролло, ты сошел с ума! Дай мне его!

Толпа рукоплескала, когда Ролло, отдав ей дитя, подхватил их обоих на руки. И Эмма видела, как смеялся Бернард, как хохотал только вчера прибывший Геллон, как улыбался, не обращая внимания, что его толкают, приор Гунхард. Берсерк Оттар плакал, размазывая кулаком слезы, и даже хмурый Лодин Волчий Оскал улыбался и похлопывал епископа Франкона по плечу.

У Ролло было гордое и счастливое лицо. Глаза горели жестким, решительным светом.

– Теперь у меня есть мой наследник, пусть и христианский, и видят Боги, теперь мне есть, для кого завоевывать королевство!

Глава 2

Сразу после Пасхи, весной 911 года в местечке Тросли близ Суассона был созван все-франкский собор духовенства. Посвящался он церковной реформе, которую называли Ключонийской, ибо изначально она началась в бургундском городке Ключони. На соборе предстояло решить вопрос об очищении Церкви и монастырей от пагубного мирского влияния.

Епископ Руанский Франков прибыл в Тросли одним из последних. Он знал, что среди франков он был словно чужак, и они поглядывают на него с сомнением и недоверием. Ведь он был главой христиан в подвластных норманнам землях, но роскошь его сверкающей двурогой митры, переливы золотого шитья ризы, благоухание заморских благовоний, исходившее от этого тучного, надменного прелата, – все говорило, что христианину Франкону совсем неплохо живется под властью язычника Ролло.

– Иуда, – шептались одни.

– Нет, он поразительно хитер, и сам Роберт Парижский покровительствует ему.

– Ничего подобного! Этот руанец умыл руки, как Понтий Пилат, и ему и дела нет ни до язычников, ни до христиан. Он думает лишь о своем брюхе и стяжательстве.

Франкон никак не реагировал на эти обвинения. Вместе с другими духовными особами и, так называемыми светскими аббатами, а по сути знатными мирянами, которые распоряжались монастырями как своей собственностью, Франкон восседал в зале капитула²⁰ и слушал речи реформаторов, иногда позволяя себе даже вздремнуть, пока сидевший рядом молодой аббат из Суассона не будил его, когда он начинал похрапывать.

Франкон вскоре понял, что этот аббат приставлен к нему. Он всегда садился подле епископа, ходил за ним, даже отведенные им покои находились рядом.

«Где я мог его видеть раньше?» – гадал Франкон.

У суассонца были приятные черты лица, миндалевидные темные глаза с длинными как у девушки ресницами, крупный, но правильной формы нос с легкой горбинкой; ростом высок, ладно скроен. Мог бы и красавцем считаться, если бы не безобразивший его страшный шрам – багровая впадина с неровными краями, оттягивающая вверх уголок рта, словно в презрительной усмешке. Черные, коротко остриженные волосы с выбритой тонзурой открывали с левой стороны (со стороны шрама) торчащий, как, безобразный древесный гриб, остаток уха. Люди с такой внешностью обычно запоминаются, но Франкон, сколько бы не напрягал память, не мог припомнить где ранее встречал этого суассонца.

Оставив размышления, епископ Руанский вновь поворачивался туда, где лысый аббат из Ключони продолжает убеждать сильным, хорошо поставленным голосом:

– Подумайте, святые отцы, какое уважение будут иметь в глазах мирян наши обители, ежели монахи придаются в них разврату и чревоугодию, а пение псалмов, если и не умолкает, то заглушается лаем охотничьих свор, шумом оружия или ткацких станков, приводимых в движение женщинами, коих монахи селят подле себя. Но разве этому учит устав святого Бенедикта? Ведь по уставу монах должен выступать как рыцарь Божий, служба которого – молитва и богослужение. Не удивительно ли тогда, что миряне не испытывают никакого почтения к монастырской братии.

В зале стоял гул голосов. Некоторые священники согласно кивали, другие шумно возмущались, не желая менять укоренившееся положение, третьи слушали с сомнением, мало веря в возможность преобразований.

Франкону становилось скучно. В его епархии среди язычников в монастырях было больше порядка, уже хотя бы потому, что святые отцы стремились подавать пример служения

²⁰ Капитул – собрание членов монашеских общин.

Всевышнему варварам с севера. И нынче Франкона волновали совсем иные проблемы: ведь скоро франкские монастыри и аббатства вновь подвергнутся разграблению, когда из Нормандии хлынет поток кровожадных викингов. И хотя Руанский епископа то и дело упреждал светских и церковных правителей, что норманны готовятся к войне, те мало придавали этому значения. Что ж, человеку свойственной надеяться на лучшее, размышлял, Франкон, а о беде люди вспоминают, когда она уже у их ворот.

Меж тем громкий голос аббата из Клюни гремел:

– А как ведут себя так называемые светские аббаты? Они превращают отведенные Богу монастыри в свои дворцы-резиденции, даже передают их в наследство своим бастардам.

На этот раз шум в зале поднялся невероятный. Но теперь шумела знать, те, кого называли светскими аббатами и которые отнюдь не желали ради каких богоугодных целей отдавать столь лакомые куски – принадлежавшие им обители. За это они стояли горой, даже до драк доходило. Вон не далее как вчера воинственному епископу Шартскому Гвальтельму прокусили кисть руки в пылу потасовки, а сегодня он уже кричит, что готов даже головой поплатиться за правое дело.

В какой-то миг внимание Франкона привлекло кем-то упомянутое имя Роллона. Он прислушался, ощутил на себе множество взглядов. Оказывается канцлер короля Карла, его верный Геривей Реймский, рассуждал о том, что ежели франкам удастся поднять на должный уровень благонравие в обителях, то это заставит норманнов с охотой идти в крестильную купель.

«Чепуха!» – едва не крикнул Франкон.

Но канцлер Геривей смотрел на него, словно ожидая поддержки. Другие тоже повернулись в сторону Франкона. И он встал. Помогите ему, Господи! – сейчас он скажет им все. О том, что никто не усмирит Ролло и его сторонников очищением Церкви. Что если христиане-франки и далее хотят спокойно посвятить себя заботам реформирования своих обителей, то перво-наперво им следует позаботиться о мире, обезопасить себя, объединиться, забыв вражду и споры, и первыми нанести удар по норманнам... Для пояснения важности этой цели он и приехал в Тросли...

...В тот вечер Франкон удалился в отведенные ему в монастыре покои и долго читал, стараясь успокоить нервы. Текст книг был с недавно введенными в употребление знаками препинания, что облегчало чтение, а книги любимые – Пифагор, Порфирий, Платон. Франкон бережно листал страницы прекрасных книг, но в суть написанного не вникал – мысли прелата были далеко.

Такого поражения он еще не испытывал. Чем обернулась его речь? Позором, провалом, неприязнью к нему, оскорблениями. Собравшиеся не поверили епископу Руанскому, называли его шпионом Роллона, подосланным, чтобы сорвать их реформу и втянуть в войну, дабы у Роллона возник повод разбить их. Франкон надрывался, крича и оправдываясь тщетно. Его столкнули с кафедры, едва не поколотили. Благо, что рядом оказался этот суассонец с обезображенным лицом, успел вывести его из зала капитула.

Епископ устало опустился на ложе, жесткое по суровому монастырскому уставу, вздохнул, вспомнив свои роскошные перины в руанской резиденции. И так захотелось поскорее вернуться домой, в Нормандию! Прикрыв глаза, он вспоминал, как блестит Сена, бросая блики на своды быков моста в Руане, как воркуют на галереях сада почтовые голуби, пригревшись на солнышке, или какой восхитительный вкус жаренных в масле креветок, которых так готовить умеют только в Руане. И еще с нежностью подумал о маленьком мальчике Гийоме, которого ему давали понянчить, когда рыжая красавица Эмма посещала резиденцию епископа на острове посреди реки.

Франкон вспомнил, как этот Гийом описал его нарядную ризу. И при этом очень серьезно глядел на епископа. При этом воспоминании прелат улыбнулся. Он был старым одиноким человеком и очень привязался к ребенку, которого в буквальном смысле принял из лона матери.

Гийом был очень похож на Ролло – сероглазый, с покатым лбом и русыми прядями мягких волос, коротким прямым носом. Для столь маленького дитяти он был на редкость серьезен, даже с серебряными безделушками играл с самым сосредоточенным видом.

– Он, как Исусик на иконах, никогда не улыбается, – порой волновалась Эмма. – Словно знает, что ему уготована нелегкая участь.

Однако Гийом все же улыбался. Дарил свою улыбку, как награду. При этом на щеках его расцветали ямочки и он становился удивительно похож на Эмму.

Франкон вдруг вспомнил, как перед самым его отбытием в Тросли, он, как было заведено, трапезничал в обществе Эммы и конунга. Тогда он спросил свою духовную дочь, не желает ли она что-либо передать знатным родственникам? Но Эмма лишь равнодушно пожала плечами. Франкон понимал ее обиду. Эта рыженькая сделала, казалось невозможное – заставила непримиримого язычника Ролло признать, что наследник Нормандии будет христианином. Однако это ни к чему ни привело, и для Каролинга с Робертином она по прежнему оставалась нормандской шлюхой.

– Что мне до них? – сухо говорила Эмма. – А Ролло мой муж, я не стану унижать его предательством. И я ничего не имею против, если он завоюет их земли. Да и вы сами понимаете, преподобный отец, что из Ролло для франков выйдет хороший правитель, лучше чем моя вельможная родня.

Да, рыжая Эмма, отвергнутая франкская принцесса, стала настоящей женой варвара Ролло, она признавала его первым во всем, а если и происходили меж ними стычки, то это было обычное противостояние двух сильных натур, из которых одной все же надлежало быть сильнейшей. Порой Франкону даже казалось, что строптивница Эмма полностью подчинилась своему варвару. Ведь они были семьей.

От воспоминаний епископа отвлек звон колоколов. Было время вечерней службы, и хотя Франкону не хотелось вновь чувствовать за спиной перешептывание и недоверчивые взгляды, он поспешил в церковь.

Хор в Тросли был прекрасен. Франкон на миг забыл обо всех неурядицах, слушая прекрасно подобранное сочетание мужских голосов, певших литанию:

*– Помилуй нас, Господи,
Помощь моя от Господа,
Сотворившего небо и землю.*

В этот момент кто-то осторожно тронул епископа за руку.

– Преподобный Франкон, не изволите ли после службы навестить Роберта Нейстрийского в его имении Берни-Ривьер?

Епископ оглянулся. Рядом стоял молодой аббат из Суассона.

Сейчас, в полумраке, на него падала тень, скрывая шрам, длинные ресницы затеняли глаза. И Франкон неожиданно вспомнил его. Посланец Роберта к Ролло, позже пытавшийся выкрасть у него Эмму, ее бывший жених Ги Анжуйский! Франкон не знал, что он принял сан во владениях Карла. Но служить, видимо, продолжал Роберту Нейстрийскому.

– *Хвалите рабы Господа, хвалите имя Господне,* – звучал хор.

Франкон согласно кивнул, и Ги тотчас отошел от него. Епископ продолжал вторить совам псалма, но мысли его уже были далеко. Итак, Роберт Робертин, герцог Нейстрийский, или, как его звали чаще Парижский, дядюшка Эммы по отцу. Что сулит эта встреча? Когда-то Франкон верно служил ему, но со временем они стали встречаться все реже. И вот... Имение Берни-Ривьер, принадлежащее Роберту, совсем недалеко от Тросли.

Ги Анжуйский встретил епископа на галерее монастыря, проводил через сад к калитке, у которой их ожидали несколько охранников, державших под уздцы лошадей. Пожилому туч-

ному Франкону предоставили спокойного мула. Ги же с выправкой бывшего воина вскочил на горячего гнедого жеребца.

– Сдается мне, вы не так давно променяли кольчугу воина на куколь священника, – заметил епископ, когда они уже ехали по старой римской дороге прочь от Тросли. – И вижу, что вы не оставили службу у вашего прежнего сюзерена²¹, хотя ваше суассонское аббатство находится в королевском домене²².

Ги чуть повернул к нему лицо в темном обрамлении капюшона. Его сильные ноги в плетеных сандалиях как-то нелепо смотрелись в широких военных стременах жеребца.

– Я служу тому из правителей, с кем наиболее сходятся мои интересы.

– А интересы эти как-то связаны с Эммой из Байе?

Ги ничего не ответил, из чего Франкон сделал вывод, что не ошибся. Что ж, ничего удивительного: рыжая Эмма вполне могла внушать сильную привязанность. Но какие виды сейчас имеет на нее Роберт, раз бывший жених девушки решил примкнуть к нему?

Франкон уже настроил себя на то, что ему придется разочаровать Роберта, ибо тот своим пренебрежением к Эмме лишил ее тех крох родственных чувств, которые она могла питать к нему. Наверяд ли сейчас она примет хоть какое-то предложение оскорбившего ее родственника. Поэтому епископ лишь поинтересовался, отчего это Роберт, если у него есть дело к Франкону, не пожелал с ним встретиться в стенах аббатства, а пригласил в свое отдаленное имение.

– Светлейший герцог имел милость пригласить вас на помолвку его дочери Эммы Парижской с Раулем Бургундским, которая произошла сегодня в Берни-Ривьер, – ответил Ги. И не глядя на Франкона, добавил: – К тому же у него есть к вам дело, огласка которого не совсем желательна.

Послушный мул Франкона мерной иноходью следовал за жеребцом Ги. Епископ размышлял о предстоящей встрече. Он не очень отчетливо представлял, как можно избежать огласки во время такого события, как обручение дочери герцога и Бургундского принца. И тем не менее, когда за рекой в сумерках показались строения, его поразила мирная тишина вокруг.

Усадьба являла собой довольно обширный дом, постройки которого образовывали закрытый двор: сам дом в два этажа с покатой крышей, служебные постройки, пекарня, над которой вился дымок. Вокруг строений шел частокол, окруженный рвом, мост был опущен, ворота приоткрыты, но было так тихо, что Франкону на миг пришла мысль о ловушке. Однако у ворот горел факел, освещающий женский силуэт под белым покрывалом. К тому же Франкону было уже поздно волноваться и оставалось лишь надеяться, что герцогу франков незачем поступать вероломно с человеком, столько лет служившим его осведомителем у норманнов.

Последние сомнения епископа развеялись, когда он узнал во встретившей их женщине герцогиню Беатриссу. Она благочестиво поцеловала перстень прелата, пригласила его в дом, подтвердив известие о помолвке.

– Мы решили не устраивать пышного обручения, так как времена сейчас смутные и герцог, супруг мой, не желает привлекать внимание к союзу с Бургундией.

Герцогиня провела епископа в длинный зал, где Франкон, к своему удивлению увидел несколько представителей высшей знати королевства. А в другом конце залы слуги на открытом очаге готовили кушанья, переговариваясь очень тихо, чтобы не мешать сановной беседе вельмож. Да, во всем этом обручении не было помпезности, какую так любит франкская знать, и лишь яркое пламя на стоявших вокруг стола высоких треногах придавало некую праздничность обстановке.

Франкон мельком бросил взгляд на игравшего у огня с собакой подростка, сына Роберта и Беатриссы, принца Гуго. Он был одет по-домашнему – в холщовую тунику и узкие штаны.

²¹ Сюзерен – правитель, которому присягают на верность.

²² Домнн – главные наследственные земли короля.

Так же просто были одеты и сидевшие за столом, кроме, пожалуй, невесты. Но ее можно было понять. Ее яркое желтое платье и мерцавшее крупными камнями золотое ожерелье вокруг тонкой шейки явно были надеты, чтобы понравиться жениху.

Церемония обетов и обмена кольцами, по-видимому, уже произошла, и юная Эмма Парижская с удовольствием разглядывала сверкающее на безымянном пальце кольцо. На Франкона глянула лишь мельком, что-то ласково говоря лениво улыбавшемуся Раулю. Он ей явно нравился, и лишь когда Франкон рассыпался в цветистых поздравлениях, соизволила улыбнуться и ему.

«Прелестная девочка, – подумал Франкон. – Выглядит моложе своих лет, почти как подросток, хотя ровесница Эммы, и ей, должно быть, уже лет двадцать».

Когда герцогиня Беатрисса велела ей и сыну Гуго идти почивать, на лице невесты появилось капризное выражение. Она глянула на отца, потом на жениха, но, поняв, что их сейчас интересует только этот тучный епископ, покорно покинула зал.

Франкон занял оставленное для него место за столом, обменялся несколькими любезными фразами с гостями Роберта. Помимо самого герцога, его шурина Герберта Вермандуа и жениха Рауля Бургундского, на обручении присутствовали ближайший советник Роберта воинственный аббат Далмаций, с аппетитом обгладывающий кость, и благочестивый епископ Шартрский Гвальтельм. Последний все еще нянчил свою прокушенную в драке руку, и явно чувствовал себя неважно. На Франкона он глянул угрюмо, хотя его широкий, собранный в хмурые складки лоб с глубокой бороздой, словно навсегда припечатал к лицу Гвальтельма выражение мрачной, почти злой, озабоченности.

Рядом с этим благочестивым епископом Франкон с невольным удивлением заметил Эбля Пуатье, человека из явно чуждого Роберту клана – красивого мужчину, непринужденно развалившегося в кресле и кормившего из рук рослую рыжую борзую. Эбль поймал пристальный взгляд епископа Руанского, улыбнулся, чуть скривив рот. Улыбка вышла едва ли не презрительной, нехорошей.

Франкон поспешил отвести взгляд. Наблюдал, как кухари поднесли вертеп куропаток прямо с огня, пряно пахнущий острыми приправами. Кравчий выставил новый кувшин вина. Девушка-рабыня спешно убрала со стола объедки. Эбль не преминул игриво шлепнуть ее пониже спины.

Герцогиня Беатрисса при этом чуть нахмурилась. Она всегда любила благочестивые манеры и сейчас была покороблена поведением Эбля. Но герцог Роберт успокаивающе улыбнулся жене и взял со стола чашу, звякнув перстнями о ее чеканный обод. Другие тоже выпили, однако Франкон отметил, что ни один из сидевших за столом не был во хмелю, наоборот, они напряженно следили за ним. Франкона разбирало любопытство, но он никак его не проявлял. Изящно ополоснув в поднесенном слугой тазу пальцы, стал разламывать куропатку.

– Отменно, отменно, – похвалил онстряпню. – Многовато перца, но вполне вкусно.

От епископа не ускользнуло, что присевший к столу Ги Анжуйский – единственный, кто проявляет нетерпение и напряженно глядит на греющего в ладонях чашу с вином герцога. Итак, сделал вывод Франкон, вызвали его в связи с каким-то решением именно герцога, а тот достаточно благороден, чтобы дать Руанскому прелату спокойно поужинать.

Однако первым заговорил Эбль из Пуатье.

– Вы всех нас удивили сегодняшней речью. Кто бы мог подумать, что вы желаете гибели своему благодетелю – язычнику Роллону?!

– Весьма прискорбно, что вы превратно меня поняли, – прожеывая мясо, заметил Франкон. – Все, о чем я пекусь, так это о приобщении правителя Нормандии, а с ним и его поданных, к сонму христиан. Гибель же Ролло, – упаси Господи, – только повлечет за собой анархию в Нормандии, и тогда все эти языческие князьки вновь примутся совершать набеги на христиан.

– Послушать вас, так Ролло едва ли не защитник франков, – фыркнул Герберт Вермандуа.

– В какой-то мере это так, – похрустывая жареным крылышком, кивнул Франкон. – Возможно, звучит парадоксально, но именно он удерживает язычников, хотя только до того часа, пока сам же не прикажет им – ату! Однако у франков еще есть время для объединения. Прискорбно лишь, что они не желают воспользоваться подобным шансом.

– Насколько учит нас опыт, – медленно начал бургундец Рауль, – ни одно объединение франков против северян не имело успеха.

– То-то и оно, – кивнул епископ Руанский. – Каждый из франкских сеньоров печется лишь о своих владениях, но с удовольствием слушает рассказы, как норманны громили соседей.

Эбль Пуатье вдруг громко расхохотался.

– Интересно, как бы Роллон отнесся к вашим подстрекательствам? Вы только что хвалили его, но вы ведь желаете, чтобы мы разгромили и уничтожили его. И при этом утверждаете, что хотите лишь спасти его душу от геенны огненной.

Франкон был слишком занят едой, чтобы сразу ответить, и епископ Шартрский Гвальтельм имел время вставить:

– В Священном Писании сказано – побеждай зло добром. Вы же призываете нас к войне, и еще неизвестно не с подачи ли Роллона вы провоцируете новую резню, или же искренне радеете о поражении вождя норманнов.

Франкон перестал жевать и в упор поглядел на епископа.

– А кто вам сказал, что франкам под силу победить Ролло? Вот ослабить его, вынудить к принятию своих условий – тут стоит рискнуть. Пока он не объединил всех норманнов, ибо тогда будет уже поздно.

– Но вы-то у себя, в Нормандии, лишь богатеете из-за набегов, – заметил наконец прекративший обглаживать кость воин-аббат Далмаций.

«Они мелют чушь, – с досадой подумал Франкон, – однако, несомненно, хотят испытать меня».

– Вам нечего оскорблять меня недоверием, – глядя по очереди на каждого из присутствующих, заметил он. – Я франк, и мне горестно знать, что мои соотечественники терпят поражения в войнах с норманнами. Однако я продолжаю утверждать, что этих завоевателей лучше иметь в союзниках, ибо их власть укоренилась, но союз с ними возможен лишь на условиях, что вы начнете воспринимать их как равную силу, а не как неприятелей, с какими вас примиряет лишь бессилие.

На красивом лице Эбля появилось яростное выражение.

– Крест честной! Да этот поп просто издевается над нами!

Франкон предпочитал разделяться с куропаткой. Заел ее миндалем, следил, как кравчий наливает в кубок вина. Над его поверхностью появились мелкие брызги, аромат спелых сдобренных пряностями плодов приятно защекотал обоняние. Когда епископ пригубил бокал, то заметил краем глаза, как герцог Нейстрийский сделал рукой жест слугам удалиться.

«Вот оно, – понял Франкон, – теперь он заговорит по существу».

Видел, как Роберт переглянулся с остальными, а потом неторопливо начал:

– Надеюсь, вера в силу Ролло не помешает вам оставаться нашим добрым союзником? Ибо то, о чем мы намерены вам сообщить, требует полного доверия с обеих сторон и нашей полной убежденности, что все ваши призывы к объединению – не просто упражнения в красноречии.

Франкон в упор поглядел на Роберта.

– Разве у сиятельного герцога за все годы нашего общения не сложилось мнения, что в решительные минуты я всегда проявляю себя его сторонником?

Роберт изящно сжимал пальцами чашу с вином. Разглядывал ее так, словно ничто, кроме узора на ее стенках, его ничего не интересовало.

– Хотел бы я знать, как поживает наша родственница Эмма.

– Эмма из Байе, – осторожно начал Франкон, – по-прежнему пребывает в добром здравии. Смеею заметить, милостивые господа, что она все так же владеет сердцем Роллона и остается совершенной красавицей.

– О, тогда она может, как Елена Троянская, послужить отменным поводом к войне, – заметил аббат Далмаций, и Франкон так и впился в него взглядом. Почувствовал, как оживился сидевший рядом Ги Анжуйский. Но Роберт Нейстрийский оставался невозмутимым. Говорил медленно, машинально проводя унизанной перстнями рукой по холеной бородке.

– Итак, эта женщина так важна для Роллона, что он готов пойти ради нее на все?

Франкон понял, к чему этот разговор. Дело в Эмме. Но какую роль уготовили презираемой франками «нормандской шлюхе» эти важные сеньоры?

– Дьявол и преисподняя! – вдруг стукнул кулаком по столу Эбль. – Ответьте во имя неба, Франкон, готовы ли вы нам помочь, если мы заманим Ролло в ловушку и вынудим принять наши условия?

Епископ заметил, как на спокойном лице Роберта появилось досадливое выражение. Он недовольно покосился на Эбля, в то время как остальные зашевелились, занервничали, но все явно ожидали, что же ответит прелат. Однако Франкон медлил. Не спеша поковырял отточенным ногтем мизинца в зубах.

– А приманкой, как я догадываюсь, должна послужить именно Эмма из Байе?

Теперь он глядел только на Роберта. Герцог откинулся на спинку стула, положил руки на резные подлокотники.

– Дело в том, что среди дьяков-писцов, присутствовавших сегодня в зале капитула, оказался шпион Роллона. Он слышал, как вы призывали франков к союзу против норманнов. О, не волнуйтесь. Мои люди уже схватили его, и он не попадет в Нормандию, если вы согласитесь помочь нам.

Франкон нервно слизывал жир с пальцев. Насколько он знал Роберта, тот никогда не угрожал зря. Проклятье! Ему бы самому пора сообразить, что Роллон – уже не тот простак-варвар, который полагался лишь на силу своего оружия. Становясь цивилизованным, он перенимал у франков не только умение допрашивать людей в пыточной, но и засылать своих согладатаев.

– Вы медлите, Франкон? – услышал он негромкий вопрос Роберта.

– Думаю, у меня нет выхода. В чем же заключается ваш план?

Роберт согласно кивнул.

– Нам надо выманить Ролло из Нормандии еще до того, как он объединит викингов из разных земель Франкии для решительного похода. Мы же, в свою очередь, последуем вашему совету и заключим союз меж всеми находящимися здесь, чтобы нанести решительный удар. И местом ловушки для Ролло, где мы сможем объединено выступить против него, станет город Шартр.

При этом епископ Шартрский Гвальтельм принял вид мученика, возведя очи горе, и согласно кивнул.

– Мы избрали Шартр, так как это один из наиболее укрепленных городов, где Роллон может застрять надолго, пока Рауль приведет войско из Бургундии, а Эбль – из графства Пуатье. Мы окружим Нормандца и вынудим принять наши условия – то есть креститься и принести герцогу Парижскому вассальную присягу. Так, что видите, наши желания совпадают, Франкон, и вам нет смысла отказываться от нашего предложения.

Франкон задумчиво пожевал губами.

«Они хотят прослыть крестителями Ру, особенно Робертин. Ведь тогда его престиж во Франкии превзойдет авторитет самого короля Карла, а рвущемуся к власти Роберту только

этого и надобно. И мне не стоит даже спрашивать, известно ли об этом сговоре Простоватому. Здесь своя игра. Однако при чем здесь Эмма? Ее охраняют, как зеницу ока».

Когда он задал этот вопрос, Ролло поглядел на него со снисходительной улыбкой.

– Если Эмма из Байе окажется в Шартре, Роллон наверняка последует за ней. Всем известно, какова его привязанность к этой женщине. Вот мы и надеемся с вашей помощью похитить Эмму.

– При моей помощи? Не ослышался ли я? – Франкон оторопело поглядел на собравшихся. – Но знаете ли, господа, у меня еще не пропало желание сохранить голову на плечах, ибо, сдастся мне, ее место именно там.

– Святые кости! – подскочил Эбль. – Я ведь говорил, что этот поп струсит и забудет все свое красноречие, едва коснется его самого. На деле он хочет, чтобы мы без него выгребали горячие каштаны из золы!

Теперь Роберт улыбнулся – улыбка была нехорошая, почти угрожающая. Не сводя глаз с Франкона, герцог заметил, что если тот не желает, чтобы его речи на соборе дошли до Ролло – он примет их условия и продумает, как увезти из Руана Эмму. Ну а там уже их забота, как укрыть женщину в Шартре и подготовиться к обороне.

Франкон лихорадочно соображал. Нет, он совсем не желает, чтобы Ролло уличил его в предательстве, как и в попытке похищения его жены. Пожалуй, в похищении и был какой-то смысл, но эти люди не понимали, что Ролло недоверчив и проницателен, как царь Ирод, и у него просто нюх на измены. Франкона прошибал пот при одной мысли, что его могут в чем-то заподозрить.

Он воспользовался первой пришедшей в голову мыслью и, перебив Роберта, стал говорить, что идея с похищением Эммы не так и хороша уже потому, что в браке Ролло с Эммой из Байе не все ладно, они ссорятся и она нередко заявляет, что покинет мужа. Поэтому ее внезапное исчезновение может быть расценено им как побег. А тогда Ролло, не имеющий привычки прощать предательства, вряд ли согласится срывать план завоевания Франкии ради того, чтобы очертя голову вести своих людей к хорошо укрепленному Шартру.

Закончив речь, Франкон был удовлетворен тем, как скисли лица собравшихся. Однако Роберт оставался невозмутимым.

– А если Эмма исчезнет вместе с наследником?

Франкон только заморгал.

– Воистину, вы говорите невозможные речи, мессир. Гийом Нормандский еще дитя, но вместе с тем он пока наша единственная надежда, что когда-нибудь Нормандия станет христианской. К тому же я не мыслю, как вы хотите похитить жену Ролло, да к тому же еще с младенцем.

Возможно, он сказал это излишне запальчиво, ибо если судьба Эммы его не очень-то волновала, то этот мальчик, его крестник, был дорог епископу не только как христианин, но и как ребенок, к которому он прикипел всем сердцем.

В это время Далмаций повернулся к Роберту.

– Я думаю, настало время ознакомить преподобного епископа Руанского с нашим планом.

Герцог согласно кивнул, сплел пальцы, пристально глядя поверх них на Франкона темными глазами.

– С вашей легкой руки, преподобный, условием нынешнего моего перемирия с Роллоном, стало возвращение в нормандский монастырь Святого Адриана мощей этого мученика²³. И я собираюсь вернуть их, но при условии, что вы, как глава нормандских христиан, организуете шествие в Эврё, куда и будут доставлены мощи. Подобное не вызовет у Ролло особых

²³ Во время набегов викингов монахи, покидая обители, увозили мощи святых, что влекло за собой падение престижей монастырей и, следовательно, их обнищание.

подозрений, но вам следует уговорить Эмму принять участие в крестном ходе. И она должна будет взять с собой сына. Дальнейшее уже не будет зависеть от вас.

Франкон перевел дыхание. В том, что предложил Роберт, лично для него не было ничего опасного. И он согласно кивнул, хотя про себя уже решил сделать все, чтобы Эмма не брала с собой Гийома. Однако теперь епископу стало любопытно, как же они задумали совершить похищение самой женщины, ибо маловероятно, чтобы жена и сын конунга отправились в путь без надлежащего эскорта и внушительной охраны.

– Дело в том, достопочтимый отец Франкон, – начал Роберт, – что у нас есть человек, который сможет выманить Эмму с ребенком в лес, где мы будем ожидать ее.

Помимо воли Франкон покосился на Ги Анжуйского, однако тот сидел потупясь. «Нет, этот не чета Роллону. Эмма не станет рваться к нему от горячо любимого супруга».

Но тут Роберт обратился к жене:

– Думаю, настало время познакомит епископа Руанского с дамой из Этампа.

Франкон был несколько озадачен, что герцог отдал распоряжение привести «даму из Этампа» не обычному прислужнику, а собственной жене. Это могло означать, что либо сия дама близка к чете Робертинов, либо что герцог желает, чтобы как можно меньше людей знали о ее присутствии здесь.

Франкон ощущал на себе взгляд Робертина, прямой, испытывающий. Даже при неровном освещении от горящих в чашах на треногах огней это было заметно. А рядом нервно перебирал четки Ги Анжуйский. Франкон даже на расстоянии чувствовал его напряженность. Этот, пожалуй, наиболее других заинтересован в похищении Эммы. К пище не притрагивался, в то время как Эбль, Герберт Вермандуа и остальные продолжали спокойно трапезничать.

Самым невозмутимым и словно бы не реагирующим на происходящее казался сидевший подле Роберта аббат Далмаций, полусвященник, полувоин, хороший стратег, но плохой поп, человек невежественный, но обаятельный и неглупый. Недаром Робертин сделал его своим приближенным и доверил ему командование большинством своих вассоров²⁴. Сейчас Далмаций невозмутимо жевал изюм и даже дружелюбно подмигнул наблюдавшему за ним Франкону.

Наконец сзади послышался шелест одежды. Вернулась герцогиня Беатрисса, а за ней из полумрака появилась высокая женщина, которая двигалась так плавно, словно плыла. Ее длинная, почти до колен, пенула²⁵ была темного цвета, как у монахини, и это сходство усиливал большой серебряный крест на груди. Лицо почти скрывал капюшон. Приблизившись, женщина поклонилась епископу, взяла его руку в свои, приникнув губами к перстню.

– Отец мой, благословите.

Франкон вздрогнул. Он узнал этот низкий тягучий голос, скандинавский акцент, но все еще словно боялся поверить своей догадке. И когда женщина подняла к нему лицо, невольно перекрестился.

– О, святые угодник! Снэфрид?

Ошибиться было невозможно. Эти глаза – длинные, чуть раскосые, один блекло-голубой, другой – темный, как ночь... Да, перед ним, несомненно, была первая супруга язычника Роллона, та, кого в Нормандии все величали Белой Ведьмой.

Франкон еле перевел дыхание. Растерянно взглянул на Роберта, на Беатриссу, потом опять перевел взгляд на Снэфрид. Видел, как Лебязьебелая медленно выпрямилась. Она стояла, сцепив тонкие белые пальцы, голова смиренно опущена. Снэфрид держалась, как христианка, но крест на ее груди казался епископу кощунством.

²⁴ Вассоры – служилые люди, наемники в войске сеньоров.

²⁵ Пенула – накидка-пелерина с мягким капюшоном. Святых и Богородицу в произведениях живописи обычно изображают облаченными в пенулу.

– Что означает сие?

Ответил герцог:

– Преподобный отче, позвольте представить вам госпожу Агату из Этампа, нашу подданную и верную союзницу.

Франкон все еще ничего не понимал и вздрогнул, когда Эбль из Пуатье громко расхохотался.

– Не правда ли, такую красавицу тяжело забыть, Франкон, какое бы имя она ни носила!

И он поведал епископу, как эта женщина, оставив войско викингов, явилась к нему, заявив, что готова принять крещение. После этого она испросила разрешения отбыть к герцогу Роберту, ибо имела к нему дело. Роберт принял ее милостиво и даже дал ей господский манс²⁶ с крепостными вблизи города Этампа, в самом центре своих владений. Она же, в свою очередь, поведала герцогу об основных местах стоянок язычников, указала все их слабые оборонительные места, что и дало возможность Роберту потеснить норманнов на Луаре.

Именно «дама из Этампа» предложила план похищения Эммы. Она поведала, как правитель Нормандии Роллон был готов едва ли не погибнуть в водах прилива под Сен-Мишелем ради спасения этой девушки. И уверяла, что так называемый конунг, не задумываясь последует за рыжей куда угодно. Так что франкам не составит труда заманить его в западню.

Во время этой речи Франкон внимательно вглядывался в Снэфрид, спокойную, невозмутимую, с лицом бледным и словно бы безучастным. Она была все еще красива, эта женщина, но даже при неровном свете факелов было заметно, что она постарела: деформировалась, словно измялась линия бледных губ, отяжелели линии шеи и подбородка, от крыльев носа пролегли вялые складки.

Время все-таки подчинило себе Белую Ведьму, и, видимо, чувствуя это, она решила оставить своего нового возлюбленного Рагнара. А может считала, что он недостаточно могуществен, чтобы помочь ей отомстить Ролло. Ибо вряд ли такая женщина смирится с тем, что ее отвергли ради другой.

Все эти мысли с молниеносной быстротой пронеслись в голове Франкона, пока он краем уха ловил речь герцога о том, что эта женщина, в прошлом язычница и разбойница, ныне уверовала в учение Христа. Франкон ни на миг не допускал, что Снэфрид искренна в своей вере, не верил в ее показное смирение и напрямик осведомился, какое значение имеет новоявленная Агата из Этампа к плану похищения Эммы. При этом он заметил, как по устах финки при этом проскользнула недобрая улыбка.

– Есть у меня власть над этой рыжей, – тихо начала она. – И я обязуюсь заставить ее прийти куда угодно, если мой господин Роберт прикажет мне сделать это.

Герцог довольно кивнул.

– Агата из Этампа уже продемонстрировала нам свои удивительные способности. Поэтому если вы сможете заставить Эмму с сыном на время уехать от Роллона – а встреча мощей Святого Адриана как раз прекрасный повод для этого, – то эта женщина вызовет ее туда, где ее будем ожидать я и мои люди. Мы отвезем Эмму и мальчишку в Шартр, куда, несомненно, последует и правитель языческих земель, как по зову сердца, так и для того, чтобы не быть осмеянным как человек, у которого похитили жену.

Франкон глядел в неподвижное лицо Снэфрид. Так вот за какую услугу она добилась земель от Роберта!

Епископ вдруг словно почувствовал, как за невозмутимостью Снэфрид клокочет огненная лава гнева и ярости, а между тем на ее лице не дрогнул ни один мускул. И он ясно осознал, что перед ним стоит само воплощение зла.

²⁶ Манс – земельный надел с усадьбой.

– Как нам распенивать ваше молчание, преподобный? – вывел Франкона оцепенения негромкий вопрошающий голос Роберта. Темные брови герцога сошлись к переносице.

И все же Франкон решился.

– Одно слово, мессеры. Всем известно, что эта... гм... Агата из Этампа имеет все основания недолюбливать Эмму. Готовы ли вы отдать ее жизнь и судьбу Гийома в руки отвергнутой жены Роллона? Кто знает, передаст ли она вам ту, на которую вы возлагаете такие надежды, или посчитает нужным свести счеты с соперницей сама?

Ги Анжуйский резко повернулся. Он впервые подал голос:

– Та, о ком вы говорите, подвергает свою душу куда большей погибели, живя в блюде с демоном Ру. Что же касается этой дамы... Я неотлучно буду при ней, дабы из рук в руки принять Эмму. К тому же...

– К тому же, – перебил его Роберт, – никто просто так не решится отказаться от поместья с усадьбой, лугом и виноградниками.

Франкон пожевал губами. Зная Снэфрид, он не очень верил в ее меркантильность, впрочем, когда не за горами старость... Но куда больше он верил в заботу об Эмме этого анжуйца.

И тогда он возвел очи горе.

– Да свершится воля Божья. Я готов помочь вам и удалить Эмму от Роллона.

Еще какое-то время он беседовал с ними, обговаривая подробности похищения. Франкон так и не заметил, когда удалилась Снэфрид. Она точно растаяла во мраке сводов.

И так же беззвучно она вновь появилась перед ним, когда в сопровождении Ги Анжуйского он вышел из усадьбы.

Ги только отошел к конюшням, чтобы привести мула и растолкать задремавших на сеновале охранников, как Франком оказался лицом к лицу с невестой откуда возникшей Снэфрид. Он отшатнулся, когда она сжала его локоть с неженской силой.

– Только попробуй что-то сорвать, колокольный страж, – произнесла она на своем языке, но так невозмутимо, словно вновь просила у него благословения.

Теперь это была прежняя Снэфрид. Еле различимая в полумраке, она показалась ему еще более жуткой. Франкону с трудом удалось удержать дрожь в голосе, когда он, потирая локоть, произнес:

– Ты все же дождалась своего часа, Снэфрид.

Уголки ее губ чуть приподнялись на совершенно неподвижном лице.

– Когда-то я поклялась, что отомщу. И мое время пришло. Нет, поп, я не хочу убивать их, но я не позволю этим двоим, которых ненавижу все сильнее, и далее наслаждаться своим счастьем. Я разобью им сердца. И эта рыжая узнает, каково это, когда он откажется от нее, уличив в предательстве. А если не откажется... Что ж, значит, он глупец, и я отомщу ему, лишив королевства, загнав в ловушку, отдав этим псам, которые считают себя христианами, но вмиг превратятся в волков, едва почувствуют запах его крови.

По спине Франкона прошел холодок от зазвучавшего в ее мелодичном голосе металла.

– Ты так уверена, что твоя месть свершится?

– О, великий Один – это так! Ибо не зря я приползла на брюхе к франкам. И я гадала на рунах все это время, пока они не предсказали мне, что этим двоим больше не быть вместе. Слышишь, Франкон, судьба разведет их, и роль судьбы исполняю я!

Во дворе замелькал свет огня. Ги вел к крыльцу взнузданного мула для епископа. Горящий факел в его руке на миг осветил лицо финки – искаженно-спокойное в своей ненависти. В следующий миг она отступила в тень ниши, словно ее опять принял мрак.

Всю обратную дорогу Франкон только и думал, что сделает все, чтобы уберечь своего крестника от ярости Белой Ведьмы.

Глава 3

Когда Эмма с сияющими глазами сообщила Ролло, что желает с епископом Франконом присутствовать при передаче Нормандии мощей Святого Адриана, он лишь потянулся всем своим большим сильным телом.

– Ты не поедешь!

– Но это великая честь для Нормандии! И полезное дело, вернуть мощи мученика в Нормандию. Возле мощей святых происходят чудеса исцеления, предзнаменования. К ним тянутся вереницы паломников и...

– Ты не поедешь, – не повышая голоса, прервал ее Ролло. – И если я, чтобы сделать тебе приятное, согласился на возвращение мощей, из этого еще не следует, что тебе стоит брести под хоругвями, встречать какого-то высохшего в гробу покойника.

– Не богохульствуй, Ру!

Ролло попытался привлечь Эмму к себе.

– Ну, рыжая, ты ведь у меня не дурочка. Клянусь копьем, ты сама должна понимать, что мое перемирие с франками никак не повлияло на наши отношения, и они знают, что мы готовимся к большому походу. Я не исключаю, что в любой миг они могут сделать вылазку в мои земли. Тебе просто опасно сейчас покидать Руан. Я буду сам не свой, если тебя не будет рядом.

Эмма улыбнулась, приободренная его нежным тоном, но стала объяснять, что ей важно как христианке и жене правителя присутствовать при передаче мощей. Она ведь может выехать с надлежащим эскортом, хорошей охраной, к тому же никто из франков не решится спровоцировать резню там, где будет мирная процессия с мощами из опасения кары небесной.

Она умолкла, поняв, что Ролло ее совсем не слушает. Сняв с насеста охотничьего креста, он дул ему в перья, почесывал палочкой. Потом кликнул сокольничего и стал справляться о самочувствии птицы.

– Ты не ответил мне, Ролло! – нахмурившись, напомнила Эмма.

– Разве? Клянусь Тором, я уже все сказал.

Она вышла, резко хлопнув дверью.

Это было лишь начало ссоры. Ее духовный отец Франкон объяснял Эмме, насколько важно, чтобы она вместе с процессией отправилась в Эврё. Ведь если про это узнают в христианских владениях франков, к ней станут относиться с большим уважением. Сам герцог Роберт говорил об этом, а Эмма, сколько ни пыталась убедить себя, что ее не должно волновать отношение ее знатных родственников, все-таки желала быть признанной ими госпожой Нормандии. Ведь тогда никто не станет сомневаться, что ее ребенок имеет все права считаться наследником правителя Нормандии.

– Ролло не сможет удержать нас в Руане! – кипятилась она, рассказывая епископу, что Ролло противится ее поездке. – Я все равно улучу момент, когда смогу взять Гийома и прикинуть к вашему крестному ходу.

– Но Гийома брать необязательно, – замечал Франкон, отводя глаза. – Зачем брать в столь трудный путь девятимесячного малыша?

Нет, Эмма и слышать не желала о том, чтобы оставить сына. К тому же ей, супруге правителя, уже давно надо было объехать владения Ролло, показать подданным и себя, и наследника. А ее появление в Эврё с Гийомом докажет, как она высоко чтит христианскую религию и сколь много надеется для нее сделать.

Порой, увлекшись предстоящей миссией, она даже представляла, как уговорит и Ролло сопровождать их. У Франкона округлялись глаза.

– Господи Иисусе!..

Он торопливо крестился. И пояснял своей духовной дочери, что одна весть, что страшный Ролло прибудет в Эврё, может сорвать акт передачи мощей. Ибо если франкские миссионеры и почтут за честь передать святыню в руки христианской повелительницы Нормандии, то в руки язычника Ру... О, только не Ру! Одного напоминания о том, как этот варвар громил христианские храмы, будет довольно, чтобы сорвать встречу под Эврё. Ну а Гийом... Тут Франкон становился красноречив, как Демосфен. Доводы следовали за доводами, и Эмма терялась.

Она возвращалась во дворец, холодно кивала Ролло. Все уже знали, что меж супругами произошла новая ссора, но говорили об этом как о чем-то обыденном. Все знали, что за периодами охлаждения и неприязни наступали дни, когда эти двое словно надыхаться не могли друг на друга. Знал об этом и Ролло, и высокомерная, отчужденная мордочка Эммы его только забавляла. Она могла дуться на него сколько угодно, могла при посторонних обсуждать предстоящую поездку, шить себе одежду в дорогу – он не сомневался, что его слово будет последним.

Эмма подчинится, как подчиняется всякий раз, когда он ночью приходит к ней на ложе, и она, сколько бы ни старалась прикинуться раздраженной, спящей или даже нездоровой, все равно уступает ему, становясь, против своей капризной воли, податливой, страстной, шальной. Он знал, что через минуту она будет вся гореть, изгибаться и стонать, отвечая его желанию. А потом, нежная и благодарная, дремать у него на плече. Они будут шептаться, дурачиться, смеяться... Но едва Эмма возобновляла попытки заговорить о посещении Эврё, Ролло тотчас начинал зевать, сказывался усталым и, отвернувшись, притворялся спящим, не поворачиваясь даже когда Эмма колотила кулаками по его спине.

И лишь когда она засыпала, он склонялся над ней, глядел в ее красивое, мирное лицо. Слабые отблески от горевшего светильника отбрасывали на лицо женщины розоватые тени. Ролло любовался ею, щекотал ее щеки прядью волос, улыбался, глядя, как она морщит нос, отворачивается. Но когда он обнимал ее, она неосознанным движением доверчиво лгнула к нему, и он замирал от прилива чувств к этой хрупкой и беззащитной рыжей девочке. Она вызывала у него такую нежность, что порой он испытывал почти боль.

Едва начинало светать, Ролло покидал еще сонную, разнеженную жену. Куда сильнее, чем ее причуды, его занимали планы осадных башен, таранов, камнеметательных машин. У него был неплохой мастер-инженер из мусульман, с которым он проводил большую часть своего времени, а Эмма... Ролло уже привык, что в их отношениях не может быть мира и покоя, и эта ссора со временем сойдет на нет, как и все остальные.

В конце апреля в Руан от границ с Бретанью прибыл друг Ролло Олаф Серебряный Плащ. Конунг и Эмма встречали его на пристани. Когда скальд²⁷ в своей блестящей серебряной накидке легко перепрыгнул с драккара на бревенчатый настил пирса, Эмма с радостным смехом кинулась к нему навстречу.

У Ролло челюсть отвисла, когда он увидел, каким пылким поцелуем обменялись его побратим и жена. Но ему пришлось сдержаться, хотя он и слышал, как за спиной Гаук из Гурне заметил Лодину, что ни одна из степенных скандинавских жен не осмелилась бы вести себя столь откровенно, как эта франкская красотка.

Эмма уже возвращалась к Ролло в обнимку с Олафом.

– О, Ролло, ты только погляди, как он хорош! – смеялась она. – Настоящий властитель сечи, бурю копий зовущий, не так ли? – добавила она на норвежском.

Скандинавское иносказание в устах христианки рассмешило и Ролло, и Олафа. Конунг обнял друга, пока их объятие не перешло в борьбу и они стали пытаться повалить друг друга под дружный хохот викингов.

²⁷ Скальд – воин-поэт у древних скандинавов.

Эмма еле разняла их. Потом ей пришлось ждать, пока Серебряный Плащ приветствовал соратников Ролло – с одними он просто обменивался речами, других радостно заключал в объятия. Но стоило ему лишь на миг остаться одному, как Эмма тут же принялась его расспрашивать: как поживает его маленькая жена Ингрид, построил ли свою стену вокруг города Байе ярл Ботто Белый, справилась она и о здоровье Беры, о маленьком Рольве, о красавице Лив. Эмма так долго не имела вестей от них, а, главное, ей хотелось узнать, как прошли роды у Ингрид и кого она принесла своему мужу-скальду.

Олаф смеялся.

– У меня отличный мальчишка. Вылитый дед Ботто, такой же круглолицый, беловолосый и толстый. Отправляясь в Руан, я отправил его и Ингрид к деду с бабкой в Байе, ибо на границе с Бретанью слишком беспокойно. У меня был горячий год, и бретоны поклялись отомстить мне за походы на них. Но они слишком слабы, поэтому я, наплевав на их угрозы, решил поискать воинской славы с Ролло во Франкии.

Он тут же стал сообщать Ролло, что привез с собой викингов из Котантена, и все они страстно желают добиться славы и золота под предводительством непобедимого Ролло. Конунг видел их, спускающихся по сходням на пристань. Эти викинги разительно отличались от его норманнов как плохим знанием местных наречий, так и внешним видом. Обычаи франков мало повлияли на них, и они, как у себя на родине, носили штаны из овчины, многие были полураздеты, некоторые были просто в шкурах, с накинутой на головы пастью рыси или головой кабана с клыками, но оружие у них было превосходное: знаменитой нормандской стали мечи, копья и секиры, а так же утыканые шипами большие булавы.

Ролло с удовольствием разглядывал своих новых воинов, пока его внимание не привлекла сошедшая с одного из драккаров женщина в темном покрывале монахини.

– Клянусь священными родами... Это еще что такое?

Эмма тоже посмотрела на сошедшую, а через миг изумленно всплеснула руками.

– О, святые угодники! Да это же Лив!

Олаф смеялся.

– Решили устроить тебе сюрприз, рыжая. Никак в Байе вы были подружками с дочерью Ботто Белого.

Лив двигалась медленно, женственно покачивая бедрами. На ней было черное одеяние монахини строгого покроя, но на скандинавке оно смотрелось как-то иначе, не аскетично: стянутое плетеным шелковым пояском в талии, оно словно бы подчеркивало ее выпуклые бедра и волнующие линии тела. А ее знаменитая улыбка, чувственная и манящая, в синих глазах – целое море обещания!

Эмма была поражена.

– К чему эти шутки с переодеванием?

– Да она и в самом деле стала монахиней! – засмеялся Олаф, притягивая Лив за плечи. – Но это такая монахиня, что мои парни забывали грести, когда она прохаживалась между скамей гребцов.

Эмма могла это понять. В Лив, с ее вызывающей красотой, безвольным лицом и томным взором было нечто настолько откровенно плотское... И Эмме совсем не понравилось, с какой улыбкой оглядел ее муж дочь Ботто. Но с самой Лив она старалась держаться приветливо, хотя и намекнула, что если та решила стать одной из невест Христовых, то она не позволит ей распутничать под своим кровом.

Лив, конечно же, согласилась. Но Эмма не больно-то верила в ее покладистость. Поэтому сразу и проводила гостью в отдельные покои, но довольно резко ответила, когда та стала просить у Эммы примерить ее жемчужную диадему.

– Кажется, тебе это ни к чему. Ты ведь теперь монахиня.

Лив лишь пожалала плечами.

– Я сделала это назло отцу. Представляешь, Птичка, он задумал выдать меня за ярла из Котантена, а тот стар, вонюч, да еще и поднял на меня руку, хоть мы еще и не были женаты. А когда я пожаловалась родителю, он сказал, что мне и нужен такой супруг, который сможет меня удержать. Что же мне еще оставалось, как не стать одной из послушниц в обители святого Лупа и принять обет безбрачия?! И теперь ты можешь звать меня сестрой Констанцией. Правда, красивое имя? Констанция. Куда лучше, чем Лив. Ну а мои родители пришли в страшный гнев, когда я стала монашкой. Дома мне просто житья не стало, и когда Олаф сообщил, что едет в Руан, я попросила взять меня с собой. Ты ведь рада нашей встрече?

Когда-то Лив с Эммой действительно были дружны. Но с того времени многое изменилось, и когда вечером на пиру Лив то и дело стала оказываться подле Ролло, Эмма едва сдерживала раздражение.

– И зачем ты только ее привез! – упрекала она Олафа.

Но скальд лишь смеялся. Он поставил себе целью напоить епископа Руанского, и теперь Франкон в съехавшей на ухо митре втолковывал ему тексты Священного Писания. Потом словно опомнился, повернулся к Эмме и сквозь пьяную икоту стал повторять, что на Троицу ей непременно надо быть в Эврё и присутствовать на передаче мощей Святого Адриана.

– А Гийома оставь в Руане, – тыкал он пальцем в ее колено, пока, не потерял равновесие и рухнул к ее ногам. Сегодня он явно был не в том состоянии, чтобы выслушивать речи Эммы о высылке Лив в одну из женских обителей.

Позже, уже в своей опочивальне, Эмма заметила мужу, что он уж слишком много внимания уделял новоявленной «сестре Констанции». Он же, в свою очередь, гневно высказывал ей за Олафа. Эмма опешила.

– Но ведь Олаф – мой лучший друг, он мне как брат. О, Ролло, разве ты забыл, сколько он сделал, чтобы мы с тобой были вместе?

Однако Ролло, оказалось, был разгневан не на шутку, и Эмма из нападающей превратилась в обороняющуюся. Они долго спорили, сходя на крик, пока Эмма, как всегда во время ссор, не пришла в сильное возбуждение и, гневно глядя на Ролло, не принялась срывать с себя одежду, а потом прямо-таки бросилась на него.

Конунг тотчас же стиснул ее, стал бешено целовать, повалил на шкуры перед камином. Они сошлись, как двое безумцев, изнемогающих от испепеляющего желания: быстро, неистово, зажигательно. Оба напали и отступали, смеялись и стонали. А когда закончили, Эмма оказалась отчасти сидящей на полу, отчасти вжатой в большой деревянный сундук, а спина Ролло была выгнута дугой. И все же они были довольны, мокрые и усталые благодарно улыбались друг другу. Еле добрались до ложа, заснули, обвив друг друга и больше не думая о ревности. Ролло был доволен уже тем, что Эмма не стала, как всегда, докучать ему разговорами о поездке.

На другой день он увез Олафа показать готовящиеся блоки для осадных башен, стал объяснять их устройство. Скальд усиленно пытался выказать интерес, но проворчал, что викинги редко когда используют подобное и не лучше ли воспользоваться испытанным методом внезапного нападения.

Ролло постарался подавить раздражение. Олафу пора понять, что он замыслил не набег на деревни и усадьбы с частоколом, а настоящую войну, где на пути у них встанут целые города, крепости, окруженные крепкими стенами монастыри. Но, скальд никогда не был стратегом, его интересовали лишь слава и удача, о каких потом можно слагать хвалебные песни.

Поэтому Ролло вскоре перестал брать Олафа с собой, предпочтя решать все с более толковыми помощниками Лодином, Гауком, Эгилем. Но и занятые делами, они порой замечали своему конунгу, что его жена слишком много времени проводит с Серебряным Плащом. То они вдвоем уезжают верхом, то катаются на лодке по Сене и рыбачат, то просто просиживают вместе вечерами, она поет, он что-то сочиняет. Конечно, правила приличия соблюдаются и

эти двое никогда не остаются наедине, однако их явная симпатия столь очевидна, что только слепец ее не заметит.

Ролло отмалчивался на подобные речи, но часто, когда он, голодный и усталый, приходил вечером в покои жены, то там было полно людей, лилась музыка, слышались песни, смех. Сезинанда приносила детей, двоих своих и сына Эммы, кормилицей которого она была. И Ролло видел, как его серьезный малыш Гийом улыбался Олафу всеми ямочками, лез к тому на колени, но когда Ролло брал его на руки, начинал хныкать.

– Боги послали тебе отменного сына, – добродушно говорил Олаф, и сердце Ролло оттаивало. Мирная атмосфера, окружавшая скальда и Эмму, невольно передавалась и ему, и он не высказывал неудовольствия, хотя и замечал, как этим двоим хорошо вместе.

Странное дело, он был больше уверен в Олафе, нежели в Эмме. Она не скандинавка, воспитанная в строгости, она кокетлива и падка на лесть. Ролло всегда казалось, что есть в ней нечто изменчивое. Но будь он проклят, он слишком любит ее и такой. И ни разу не ударил, хотя помимо ее кокетства с Олафом, она по-прежнему продолжала упрямо готовиться к поездке в Эврё.

Пришел май. Все вокруг пышно цвело. Франки по традиции отмечали старинный праздник весны, пели и плясали вокруг увитого зеленью майского шеста. У норманнов тоже приближалось время жертвоприношения богу плодородия Фрейю. Обычно они в это время отправлялись к Гауку из Гурне, где располагалось самое большое в Нормандии капище этого божества.

Когда Ролло сообщил, что поедет туда, Эмма только согласно кивнула.

– Что ж, езжай. Но и я уеду. Ты знаешь мои планы: на Троицу я должна посетить Эврё, чтобы встретить посольство с мощами Святого Адриана.

– Забери тебя Локи, женщина! – заорал Ролло. – Или ты совсем глупа, или туга на ухо и не слышала моих приказаний!

Эмма спокойно отложила вышивание.

– Паломники уже собрались в Руане и выступают со дня на день. Я дала слово отцу Франкону, что поеду с ними. Однако возможно я и останусь, но при условии, что ты отошлешь Лив в отдаленный монастырь, где настоятельницей стала наша Виберга.

Ролло вдруг отвернулся. Машинально стал оглаживать квадраты оконного переплета. Эта сладкая Лив преследовала его неотлучно, и ему это нравилось. Диво, что он до сих пор не ответил на ее призыв. Мягкая, податливая, манящая – его словно заволакивало волной этой беспредельной чувственности, когда он обнимал ее в переходах дворца. Глухо бормотал, оглаживая ее тяжелые груди под черным одеянием монахини:

– Если бы все монахини были такими, как ты, мои люди уже давно превратились в христиан. – Ему стоило немалого усилия воли отвести руки. – Но я-то никогда не стану поклонником Христа.

Он оставлял ее, хотя и чувствовал себя круглым дураком. Где это сказано, что конунг не может завести себе наложницу? Он же не только не переспал после женитьбы на Эмме ни с одной другой женщиной, но словно даже опасался этого, не решаясь обидеть ее. А она... Какие слухи ходят о ней?! Эти ее вечера с Олафом... И теперь она требует услатить дочь Ботто!

Щелкнув пальцем по переплету окна, он повернулся к Эмме.

– Хорошо. Я ушлю Лив, и тебе только придется посочувствовать твоей бывшей рабыне Виберге, когда дочь Ботто заведет в ее обители свои порядки. Ты же останешься в Руане. И прекратишь порочить себя, бегая за Олафом.

Они не сказали больше друг другу ни слова. Когда вместо обычных вспышек гнева между ними наступало такое молчание, это был первый знак, что они и впрямь в ссоре и меж ними встала стена отчуждения.

Больше всего Эмму удивило, что епископ словно даже обрадовался ее отказу прикнуть к шествию. И хотя Франкон твердил, что это весьма прискорбно, но Эмма была готова поклясться, что он едва не потирал руки от удовольствия. Потом резко посерьезнел, стал говорить, чтобы Эмма непременно проводила паломников до ворот города, и непременно под охраной норманнов, чтобы было ясно, что она остается в городе по воле супруга.

Нелепая просьба. Будто Франкон хотел показать кому-то, насколько языческая жена конунга не вольна в своих решениях.

Но Эмма не видела причин отказывать Франкону, и, когда настало время крестного хода, она прибыла проводить паломников, но среди шума и оживления ей вдруг стало грустно. Франкон благословил ее, не выходя из крытого, устланного коврами дормеза; монахи несли кресты и вышитые хоругви; дьяконы махали кадильницами. Паломники-христиане двигались попарно в простых темных одеждах. У них были просветленные лица, слышалось пение псалмов.

Во дворец Эмма вернулась расстроенная. С Ролло почти не разговаривала. Но и ему было не до нее. Он развернул длинный пергамент и старательно объяснял своим соратникам сложное устройство осадной башни. Его араб предложил неплохую идею устанавливать метательные машины не на одной опоре, а на двух. Это и удлиняло рычаг, и машина становилась гораздо мощнее.

Олаф Серебряный Плащ вскоре начал зевать. Ушел к Эмме, они устроились на скамье за колонной. Олаф что-то декламировал, Эмма подбирала на лире мелодию. Олаф сочинял хвалебную песнь в честь правителя Нормандии, торжественную с повторяющимся припевом. Они говорили о Ролло, но сам предмет их беседы видел, как им хорошо вместе. Замечал, что и другие следят за этой парой, и старался всячески не выказать своего раздражения. А самому в голову лезли странные мысли. Выходит, что любить – это все время нервничать, ревновать, чего-то добиваться. И есть еще вожделение, но разве нельзя его удовлетворить на стороне?

Он пожалел, что уснул Лив в монастырь Святой Катерины. Она бы развлекла его и отвлекла от Эммы. А вот сама Эмма была довольна. Проклятье!.. Ей бы пора припомнить, что он сделал для нее, на какую высоту поднял. И может в любой момент ее низвергнуть. Но никогда этого не сделает. Он слишком любил свою рыженькую кокетку жену. И она дала ему законного сына, наследника!

Ролло отправился в детскую к сыну. Гийом сидел на разостланной на полу шкуре и отбирал у сына Сезинанды погремушку. Они были молочными братьями, так как у Эммы (кто бы мог подумать!) с самого начала было мало молока, а Сезинанда словно и ждала, когда ей предложат почетную должность кормилицы.

Конунг взял сына на руки. Тот серьезно глядел на отца. Сердце Ролло затопила нежность.

Эмма пришла в детскую позже. Смотрела на них двоих сияющим взором. Они помирились. Ролло не стал ей ничего говорить об Олафе. Но, когда он ушел, с ней об этом заговорила Сезинанда. Сказала, что весь двор уже судачит о ней и Серебряном Плаще.

Птичка лишь смеялась в ответ. Что ей Олаф? Конечно, он очень мил, с ним легко, к тому же ей нравилось пробовать на нем силу своего очарования. Ведь Ролло сейчас, кроме его похода, ничего не волновало. Поэтому, когда на другой день муж опять оставил ее, она уехала с Олафом на охоту.

Охотничьи уголья Руана начинались за берегами реки Робек, где рос тростник, полностью скрывавший всадника на коне. Эмма, оживленная и беспечная, ехала на горячей гнедой кобыле между Олафом и своим верным стражем Бернардом. Слушала о приготовленной для них на сегодня добыче – матерым красавце-олене, какого выследили в лесу за дальними болотами.

– У него девять отростков на голове, – объяснял Эмме старик-егерь, весь в шкурах, сам словно дикий зверь. – Мои люди выследили его лежище. Это настоящий король леса.

Охотники были в приподнятом настроении. Загнать такого зверя, считалось мечтой любого. И когда затрубили рога и ловчие спустили собак, все вмиг прищпорили лошадей, охваченные азартом в предвкушении отменного лова.

В воздухе раздавался яростный лай собак, почувствовавших добычу. Временами свора останавливалась и нюхала воздух. После этого охотники трубили в рога, давая оставшим сигнал, что след снова взят, и гонка продолжалась. Вскоре за молодым подлеском в низине показался и сам зверь – огромный, желтовато-коричневый, с темным, не успевшим отлечь, брюхом. Ветвистые отполированные чашей рога короной высились на его голове. Даже на расстоянии было заметно, как напряглись его мускулы, когда, завидев преследователей, он закинул назад свою ветвистую голову и стремглав понесся к дальним зарослям.

– Король лесов! – воскликнул Бернард, прищпоривая коня.

Охотники растянулись. Гонка по лесу представляла собой не только травлю зверя, но и демонстрацию умения ездить верхом. Эмма порой взволнованно и весело взвизгивала, когда приходилось перескакивать через ров или, пригибаясь к гриве лошади, пронеситься под склоненными ветвями.

Бернард обогнал ее на спуске, но в следующий миг Эмма тревожно ахнула, когда заметила, как его соловый, споткнувшись, полетел через голову. Попыталась натянуть поводья, но когда увидела, как ее страж, ругаясь и очумело трясая головой, стал поднимать, вновь дала лошади шенкеля, стараясь не отстать от умчавшегося вперед Олафа.

Скальд выехал на недавно расчищенную просеку, по которой неслись и стремившийся оторваться от собак олень. Олаф не сводил глаз с его мелькавшей впереди спины. Под ним был хороший конь и всадник получал истинное удовольствие от гона.

Эмма вскоре почти нагнала его, вся в пылу охотничьего азарта. Это было как опьянение, как безумие! Они обгоняли оставших собак, сбегавших с пути ловчих. Теперь главное было выдержать скачку. Они неслись, видя только силуэт добычи. Не сговариваясь оба свернули в лес, когда зверь метнулся через подлесок в сторону. Они не думали, что далеко оторвались от остальных охотников. Лай собак за кустами указывал им направление. Если они сейчас хоть на миг замешкаются, олень уйдет и впечатление от охоты будет испорчено.

– Не отставай, огненновласая! – кричал на ходу Олаф. – Мы с тобой удивим весь Руан, если загоним такого красавца. Смотри! – крикнул он через минуту, указывая с возвышенности, как собаки, сбившись со следа, понеслись за другим молодым оленем.

Обычная уловка умудренных опытом старых самцов, когда они выходят на тропу молодняка, чтобы отвлечь от себя преследование. Но Олаф понимал, что олень, избавившись от своры, постарается добраться до воды, и сообразив, что следует искать, где здесь может быть ручей или озеро, стал спускаться в лощину. Эмма не отставала.

Теперь они преследовали зверя только вдвоем со скальдом.

Пожалуй, Олафу стоило все же подать сигнал звуком рога, но в нем проснулось дерзкое желание самому поразить добычу. И он лишь заговорщически подмигнул Эмме, увлекая ее за собой, заражая своим пылом.

Они пронеслись через открытое пространство со старым, черным, как ночь, менгиром²⁸. Эмма отметила про себя, что не знает этих мест, но тем не менее подстегнула лошадь, довольная тем, что на открытом пространстве ее гнедая столь легко поравнялась с жеребцом Олафа.

«Это безумие, мне следует остановиться и подождать остальных», – мелькнула тревожная мысль.

Но тут они услышали впереди лай любимой ищейки Ролло, о которой сам конунг говорил, что она никогда не теряет след.

²⁸ Менгир – языческое культовое сооружение древних галлов; обычно вертикально стоящие продолговатые камни.

Олень они застали как раз, когда он выходил на противоположный берег за ручьем. Эмма только охнула, когда ее гнедая вслед за серым конем Олафа с размаху кинулась в воду, подняв тучи брызг. Молодая женщина завизжала, цепляясь за гриву. Холодная вода словно остудила пыл лошади, да и охотницы тоже. Олаф крикнул, чтобы она держалась за луку седла, и лошадь ее непременно вынесет.

Так и произошло. Но теперь Эмме совсем не хотелось продолжать путь в мокрой одежде. Она огляделась. Бог весть где они находились. Заросли, дубы, под ними тростник, изгиб какого-то ручья.

– Олаф, вернись! Нам необходимо ехать обратно.

Он появился не сразу. Недовольно ворчал, что теперь, когда олень ослабел после холодной воды, им ничего не стоит его догнать.

– Я чувствую себя не лучше оленя, – надула губки Эмма. Ей стало обидно, что Олаф, обычно такой внимательный и заботливый, сейчас думает только о лове.

Кажется, наконец и он опомнился. Увидел ее растрепанные волосы, сбившуюся и висевшую сбоку сетку для волос, облепившую бедра юбку.

– Клянусь Фреей, ты и сейчас красавица, огненновласая. А выглядишь так, словно только что вырвалась из объятий шалуна Локи.

Порой он раздражал ее своим легкомыслием до дрожи. Хотя дрожала-то она от холода.

– Я хочу скорее найти своих людей. Ибо, клянусь верой, если мы сейчас же не вернемся, все подумают, что я попала в объятия не Локи, а в твои.

Это было сказано в запальчивости. И Эмма тут же осеклась. Однако Олаф и не думал отшучиваться. Он тоже понял, что их отсутствие и в самом деле может быть истолковано превратно.

А тут еще оказалось, что они не знали куда ехать. Олаф рассчитывал, что Эмма знает эти места, Эмма же, как всякая женщина, в трудной ситуации полагалась на опыт мужчины.

Олаф вдруг смутился. Она выжидательно смотрела на него. Он же терялся, ибо ветер принес тучи, и Олаф, как любой викинг, привыкший ориентироваться по солнцу, совсем не знал, как без небесного указателя определить направление.

Решил положиться на собаку, стал свистеть, подзывая ее. Но когда черный вислоухий пес вернулся, он просто устало лег, раздосадовано глядя на людей оттого, что его не хвалят, а что-то требуют. Охотничья ищейка, он был приучен выслеживать зверя, а никак не выводить из чащи заблудившихся охотников. Поэтому когда всадники тронулись вдоль ручья, он спокойно затрусил рядом.

Олаф успокаивал Эмму:

– За нами ехала целая свита. Бернард не посмеет вернуться без своей госпожи.

Она тоже на это рассчитывала. Поскакала вперед, понимая, что чем меньше времени проведет в компании обаятельного скальда, тем меньше это вызовет пересудов.

Вскоре они нашли брод, перебрались и стали возвращаться, пока не поняли, что просто кружат по лесу. Попробовали найти дорогу по своим же следам среди сломанных кустов, но это не сильно помогло. И хотя Олаф и трубил в рог, призывая охотников, но им мешал все усиливающийся ветер и расстояние, какое они проскакали, удалившись от остальных. Вдали прогрехотал гром.

– Вот что, огненновласая, нам следует укрыться в лесу и сделать шалаш, чтобы переждать грозу.

Он указал кивком на потемневшее небо и дальние вспышки зарниц.

Ветер нес тучи прямо на них. Эмма вдруг сказала, что ни за что не проведет с Олафом и часа в одном шалаше. Он стал отшучиваться, говоря, что тогда соорудит два шалаша, однако сам помрачнел, подумав о том же, что и она. Их невольное приключение могло окончиться весьма неважно, если Ролло сообщат, что они так долго находились наедине.

В душе Олаф надеялся, что его побратим Ролло поверит ему на слово, но когда стал говорить об этом Эмме, она только послала лошадь вперед, сердитая на весь свет. Она так часто заигрывала со скальдом, чтобы отомстить Ролло за внимание к Лив, что ее языческий супруг мог ей и не поверить. И тогда...

Они ехали, сами не зная куда. Вспышки молний сверкали почти рядом, и Олаф опять предложил сделать шалаш. Но первым нашел укрытие пес. Под склоном на холме он обнаружил под нависшими корнями естественное углубление вроде грота, где они и укрылись, когда стали падать первые тяжелые капли дождя. Олаф даже успел развести костер и привязать в зарослях лошадей, когда небеса просто-таки разверзлись ливнем. Вокруг вмиг настала ночь, мрак, холод. И началось настоящее светопреставление.

Они сидели под корневищами и наблюдали, как ветер гнул деревья, швырял из стороны в сторону потоки дождя. Эмма, чтобы хоть немного согреться, положила в ногах у себя собаку. Сжалась в комочек, представляя, что сейчас думает Ролло, ведь ему уже наверняка сообщили, что его жена ускакала неизвестно куда со скальдом Серебряным Плащом. Ах, заблудись она с кем иным, это не имело бы таких последствий. Но Олаф...

Оставшиеся под дождем кони взволновано ржали. После очередного раската грома раздался дробный топот и удаляющееся ржание. Олаф вышел поглядеть, вернулся мокрый, злой, сказав, что гнедая Эммы, вырвав куст, убежала. Час от часу не легче. Костер догорел, они сидели во мраке, отрезанные от всего мира, под проливным дождем. Эмма мелко дрожала, но когда Олаф подсел, обняв ее за плечи, просто зашипела на него. Он все понял. Даже в темноте он слышал ее вздохи и тихие всхлипы.

– Лучше бы я отправилась в Эврё, – прошептала она. – Это Небо наказывает меня за мою слабость. Пречистая Дева!.. Как подумаю, что наговорят обо мне Ру...

Олаф негромко заметил:

– Он ведь любит тебя, Птичка, да и я ему не чужой. И если боги не лишат его последней крупницы разума – он нам поверит.

Эмма уже ни на что не надеялась. Вспомнила неприязнь к ней Лодина, Гаука, вспомнила предостережения Сезинанды. Олаф старался отвлечь ее рассказами о детстве Ролло, о его семье. Она заслушалась, так как сам Ролло редко делился с ней воспоминаниями о прошлой жизни в Норвегии. Но стоило Олафу умолкнуть, Эмма сказала, что, едва дождь прекратится, они должны ехать.

Скальд ничего не ответил, подумав про себя, что глупо блуждать во мраке по лесу. Но продолжавшаяся до утра непогода не оставляла им другого выбора, кроме того, как ждать. Они сидели в своем песчаном укрытии, пока не уснули под монотонный шум дождя.

– Они возвращаются, – сообщил Ролло белобрысый Эгиль. – Наши люди разыскали их в каком-то селении, куда они заехали на лошади скальда, чтобы расспросить о дороге.

Больше он ничего не добавил. У Ролло были утомленные глаза. Полночи он и его люди, несмотря на непогоду, провели в седле, объезжая все окрестные селения и усадьбы, в надежде найти жену конунга и скальда. Охранник Эммы Бернанд, промокший до нитки, с вывихнутой, висевшей на перевязи рукой, продолжал поиск и когда рассвело, несмотря на боль и усталость.

– Если бы со мной не случилось несчастье – мы бы не потеряли их, – твердил он Ролло. – А так многие столпились подле меня, и когда я велел догонять госпожу, их след был уже утерян.

Ролло слушал его, глядя на дым, собирающийся под сводами зала. Держался он почти невозмутимо, хотя и слышал за спиной перешептывания об Эмме и Серебряном Плаще. Многие считали, что от ветреной жены конунга и следовало ожидать чего-то подобного.

Ролло делал вид, что ничего не замечает, но на его скулах вспухали желваки. Он вспоминал, как был напуган, когда ему сообщили, что нашлась гнедая лошадка Эммы. Сперва он подумал, что с его женой что-то случилось. Потом мелькнула мысль, что она похищена фран-

ками. Но вокруг все так многозначительно переглядывались, что и конунг стал думать только о том, что Эмма осталась наедине с легкомысленным красавчиком-скальдом. Где, тролль их возьми, они проводят время, что даже не проследили за лошадью, позволив ей уйти?

Но что бы ни думал Ролло, по утру он, как ни в чем ни бывало, пошел на берег Сены, следить за разгрузкой баржи.

Таким же спокойным он выглядел, когда Бернард привел Эмму. От одного ее грязного, растрепанного вида у конунга в душе все перевернулось. Он перевел взгляд на Олафа. Тот держался вызывающе.

– Клянусь Валгаллой, на море я соображаю куда лучше, чем в чаще нормандских лесов. Мы просто заблудились, Рольв.

Конунг прошел мимо жены, даже не взглянув на нее.

– Олаф! – окликнул, не оборачиваясь.

Тот лихо соскочил с коня. Двинулся за Ролло, даже посвистывая. На ходу подмигнул Эмме, желая подбодрить ее, но она резко отвернулась.

Когда рабыни принесли ей в покои теплой воды, явилась Виберга. Став настоятельницей женской обители, она держалась властно и требовала, чтобы ее немедленно впустили к госпоже. Сезинанда, видя в каком состоянии Эмма, выставила ворчащую Вибергу за дверь.

– Надеюсь, ты понимаешь, что натворила? – стягивая через голову Эммы грязное платье, говорила она подруге. – Тебе всегда нравилось мучить мужчин. Но уже пора понять, что мы не в Гиларии-в-лесу, и Ролло не бедняга Вульфрад и даже не Ги, которыми ты могла помыкать, как хотела. Да и ты уже не та Птичка, которая порхала среди парней, уверенная в своей красоте. Ты – жена правителя Нормандии, а он не из тех, кто прощает измены.

– Не было никакой измены, – вяло произнесла Эмма.

– Ну, если конунг тебе поверит...

«Если поверит...» Он должен поверить!

Сезинанда отошла, и Эмма увидела свое отражение в металле зеркала. Царапинка на щеке, грязные пряди волос. Такой же она была и когда они с Ролло бродили по лесам Бретани, когда их любовь только зарождалась. Удивительно, как она такая могла понравиться Ролло – грязная, измученная, озлобленная. И их любовь возникла, как солнечный луч, пробившийся сквозь тучи, преодолела даже колдовство Снэфрид, железную волю самого Ролло. Неужели же теперь, из-за глупых пересудов, что распускают дворцовые сплетницы, Ролло оттолкнет ее? Нет, он любит ее, а она любит только его, и это самый крепкий мост, что соединяет их. И у нее все еще есть такое оружие, как ее красота.

– Сезинанда, принеси ларец с моими драгоценностями. И платье, то светлое, с дубовыми листьями по подолу. Ролло оно очень нравится.

Она терла себя в лохани так, словно собиралась в бой.

– Здесь постоянно крутится Виберга, – заметила Сезинанда, когда Эмма, закутанная в широкое белое полотно, уже сидела перед зеркалом, перебирая пряжки и цепочки с подвесками. – Говорит, у нее срочное дело.

Эмма лишь пожалала плечами, велев фрейлине тщательнее вытирать ее волосы.

В этот момент в дверь без стука ворвался паж Осмунд: лира сбилась за спину, лицо взволнованное. Женщины так и зашумели на него, но он прямо кинулся в ноги Эммы.

– Госпожа!.. Ролло и Олаф... Там что-то происходит. Никто не смеет войти, но, кажется, конунг убивает скальда.

Эмма побледнела, замерла.

– Ты сделаешь очередную глупость, если вмешаешься, – сдержанно заметила Сезинанда. Но Эмма уже вскочила.

– Платье! Живо!

Ролло и в самом деле накинулся на Олафа, едва тот начал свои пояснения. Думал ли он когда-либо, что именно его побратим, мальчишка, с которым он рос, сын дворовой девки и невесть кого, друг, которого он любил, которому доверял, станет его соперником!

И когда Олаф, в своей обычной цветистой манере начал говорить, что Ролло следует не прислушиваться к нашептываниям глупцов, а верить своему сердцу, Ролло так и кинулся на него. Схватил железной хваткой за горло, повалил, стал душить, почти с наслаждением наблюдая, как потемнело лицо скальда. Но в следующий миг он сам охнул, получив сокрушительный удар по почкам, и теперь уже Олаф, едва переведя дыхание, бросился на него, нанеся удар в челюсть.

Ролло упал, с грохотом повалилось тяжелое дубовое кресло. Но тут же, извившись змеей, он ударил Олафа ногой в живот. Они дрались не на шутку, но ни один не хватался за оружие. С лязгом падали украшавшие стену клинки и миски. А воины все молотили друг друга кулаками, швыряли, выкручивали суставы, сжимали один другого до хруста в костях. Отчасти это походило на «простой бой», где противники должны убить друг друга голыми руками. Стопившиеся под дверью стражи и прислуга, прислушиваясь к происходящему, так и подумали, что конунг решил собственноручно разделаться с соперником, а испуганный Осмунд кинулся к покоям Эммы.

Именно в это время Ролло, схватив тяжелую дубовую скамью, замахнулся на Олафа так, что, не успев скальд отклониться, непременно разбил бы ему голову. От резкого движения Ролло еле устоял на ногах, глядел на друга, отскочившего к нише окна. Конунг, все еще тяжело дыша, поставил скамью у стены, сел, откинулся и стал вытирать рукавом струящуюся из носа кровь. Оба тяжело дышали. Олаф тихо ругался, выплевывая с кровью обломки зубов.

– Отродье тролля ты, Рольв. Я ведь скальд, и лучше бы ты мне глаз выбил, чем зубы.

Ролло произнес с выдохом:

– По нашему северному обычаю, я мог бы изгнать Эмму, как неверную жену, и взять на ложе другую женщину.

Он застонал, ощупывая ребра.

Олаф осел на пол. Из разбитых губ его сочилась кровь, левый глаз окончательно заплыл.

– Тебе еще следует доказать ее вину. Я же готов опустить руку в котел с кипящим маслом или вызвать тебя на судебный поединок, чтобы доказать свою правоту.

– Кажется, поединок и так произошел, – проворчал Ролло.

Олаф кивнул, хмыкнул, потом засмеялся. Ролло странно поглядел на него, но через миг тоже хохотал, хотя и морщился от боли в помятых скальдом ребрах. Лишь когда они несколько успокоились, Олаф уже спокойно поведал о том, что случилось на охоте: об охотничьем азарте, с каким они с Эммой преследовали оленя, о том, как они заблудились и их застигла непогода, как они искали спасения в песчаном гроте.

– Мы провели вместе всю ночь, и хотя я не клал меж нами обнаженного клинка, в этом не было необходимости, ибо Эмма только и думала о тебе. И пусть меня покинет моя удача, если я лгу.

– А лошадь Эммы?

Олаф сердито хмыкнул, но сразу охнул, прижав руку к разбитым губам. Ролло отвернулся, скрывая улыбку. Он поверил Олафу, успокоился да к тому же был слишком утомлен, чтобы продолжать гневаться. Но почему-то подумал о том, как объяснить ситуацию своим людям.

Впрочем, разве он не конунг и не волен миловать и карать по своему усмотрению? Он почти не слушал объяснения Олафа о том, как убежала кобыла Эммы. Прервав его, Ролло сказал, что скальд уже сегодня должен уехать в Гурне, готовиться к празднику урожая. Олаф не возражал. Понял, что гроза миновала.

В этот миг створки двери распахнулись и показалась Эмма. Еще с влажными, собранными в пучок, волосами и факелом в руке.

– Ролло, ты не должен...

Она умолкла на полуслове, глядя на растерзанных, но мирно беседующих мужчин. Перевела удивленный взгляд с одного на другого и расхохоталась. В этом была вся Эмма – гнев, смех и смелость одновременно. Стояла, смеялась, едва не выронив факел.

Однако Ролло не разделил ее веселья. Гневно велел ей отправляться к себе. Она ушла, все еще хохоча. Она совсем его не боялась. Ролло поглядел ей вслед. Она была так дерзка, так красива и так желанна... Несмотря ни на что.

Вечером они, как ни в чем не бывало, сидели рядом за столом в большом зале.

Этим Ролло хотел показать, что признал невинность жены. Но не простил. Он проводил Олафа, ушел с арабом в малый зал, разглядывал предложенные инженером чертежи осадных башен с таранами. Старался вникнуть в его объяснения, пока действительно не увлекся. А позже увидел под аркой переходов Вибергу. Поманил ее пальцем.

– Ты что-то зачастила во дворец.

Она нервно теребила плетеный пояс своего монашеского одеяния.

– Госпожа никак не хочет принять меня. Епископ отбыл, а приор Гунхард говорит, что подобный вопрос он не полномочен решать.

Ролло не сразу понял, о чем она. Дело оказалось в Лив.

– Она порочит мою обитель, – не поднимая глаз, сердито твердила бывшая рабыня, а ныне настоятельница женского монастыря Святой Катерины. – Она остается ночевать в сторожке охранников, совсем не слушает меня, не посещает службы. Она дерзка и распутна, а молоденькая послушница, с которой я ее поселила в келье, жалуется, что эта сестра Констанция даже ее пыталась увлечь предосудительными ласками. И помимо этого, она не желает выполнять никакой работы, чем сбивает с пути истинного и других сестер. Она, конечно, девица знатного рода, но когда в стаде поселяется паршивая овца, ее изгоняют!

Ролло с трудом подавил улыбку. Ох уж эта Лив! Недаром он подозревал, что дочь Ботто перевернет весь монастырь с ног на голову. Да уж, монашеского смирения у нее не более, чем у его жены покорности. Недаром Виберга, смущаясь и пугаясь, а пуще всего гневаясь, все же осмелилась требовать удаления «сестры Констанции».

Ролло не стал выговаривать бывшей рабыне за ее придирки к знатной скандинавке. Сказал лишь, что когда уедет, то увезет Лив с собой в Гурне, где тоже вроде бы христианские женщины организовали небольшой монастырь. Виберга, кажется, была довольна, даже сказала, что будет молиться за Ролло и его доброту, но когда уходила, ворчала что-то насчет того, что этой распутнице вообще не место среди невест Христовых.

«Пожалуй, она права... Место Лив...» Он невольно улыбнулся, вспомнив, как соблазнительно обтягивает платье ее бедра, как призывно-туманно мерцают глаза, как обольстительно белеет шея под темной повязкой облегающего щеки и подбородок темного покрывала. Да, он непременно возьмет с собой Лив в Гурне.

Тут Ролло ощутил прилив оживления, какое-то мстительное торжество и веселье предстоящей интрижки. Ведь он так долго держался от Лив в стороне, хотя она, с ее красотой и чувственностью, не заслуживала подобной холодности. Как и его легкомысленная кокетка-жена не заслуживала верности с его стороны.

Все последние дни перед отъездом Ролло почти не уделял внимания Эмме, а при встречах был холоден и даже – во дворце сразу это заметили – не оставался на ночь в ее опочивальне. Он видел, что его Птичка нервничает, но был непреклонен. Он должен был показать ей, что выходка с Олафом так просто не сойдет ей с рук. И когда рано поутру покидал Руан, то даже не попрощался с женой.

Эмма была расстроена не на шутку. Она бушевала, кричала на служанок, капризничала и злилась. Да, они были в ссоре, но простил же Ролло Олафа, значит, скальд доказал ему их невинность. Ей же муж явно выказывал пренебрежение. Она думала, что это ненадолго, ибо, как и ранее, ловила на себе его долгие пристальные взгляды. Эмма старалась нарядиться в свои самые богатые одежды, натиралась благовониями, зовуще улыбалась ему, а по ночам долго не гасила свечи – ждала. Тщетно. Он проводил вечера со своим богопротивным мусульманином, а потом удалялся ночевать в казармы.

Теперь же, когда он уехал, Эмма, несмотря на всю свою бравату, явно струсила. Неожиданно для себя она заметила, сколько у нее недоброжелателей в Руане. Многие не скрывали откровенно злорадных взоров, франк-майордом, хоть и подчинялся, но сам же первый распускал слухи, что «рыжую Птичку» скоро вышлют в отдельное имение из дворца. Знатные скандинавы, у кого были дочери, открыто обсуждали, кого из их дочерей или родственниц приблизит к себе конунг, даже заключали пари.

Эмма старалась пропускать мимо ушей эти разговоры, хотя одному Богу было известно, что ей это стоило. Она уходила к сыну, проводила с ним много времени. Он был такой хорошенький с его маленьким носиком, мягкой кожей, круглыми серыми глазками. Эмму всякий раз переполняла волна нежности, когда он тянул к ней руки, что-то лепетал, деловито разглядывал ее украшения. Она пела ему, он серьезно слушал. Потом вдруг начинал ерзать, вырываться.

Эмма вздыхала, отпуская сына. Порой ей казалось, что Гийом куда больше тянется к отцу, чем к ней. Но она ничего не имела против. Ролло просто боготворил своего наследника и часто, вопреки всем обычаям, сам укладывал его спать. Трогательно было видеть, как огромный Ролло качает колыбель, пока умиротворенный малыш не засыпал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.